

Министерство культуры Республики Беларусь
УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств»

Н.А.БУЛАЦКАЯ

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ:
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(болгарская, польская, сербская, чешская)**

*Рекомендовано УМО по образованию
в области культуры и искусств
в качестве учебно-методического пособия
для студентов всех специальностей учреждения образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Минск 2011

УДК 821.16.09(075.8)

ББК 83.3(о)941я73

Б 907

Р е ц е н з е н т ы:

Л.Д.Синькова, доктор филологических наук, профессор
Белорусского государственного университета;

Е.А.Городницкий, кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ГНУ «Институт языка и литературы
им. Я.Коласа и Я.Купалы НАН Беларуси»

Булацкая Н.А.

Б 907 Славянские литературы: классика и современность
(болгарская, польская, сербская, чешская): учеб.-метод.
пособие / Н.А.Булацкая. – Минск: Белорус. гос. ун-т
культуры и искусств, 2011. – 143 с.
ISBN 978-985-522-023-8.

Представлена история и современное состояние таких
славянских литератур, как болгарская, польская, сербская,
чешская. Сопровождается мини-хрестоматией, библиографиче-
ским материалом, вопросами для самоконтроля.

Адресуется студентам вузов нефилологического профиля, в
первую очередь Белорусского государственного университета
культуры и искусств, а также тем, кто интересуется литературой
западных и южных славян.

УДК 821.16.09(075.8)

ББК 83.3(о)941я73

ISBN 978-985-522-023-8

© Булацкая Н.А., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Введение	7
I. История славянских литератур	10
Болгарская литература	10
Польская литература	25
Сербская литература	57
Чешская литература	75
Послесловие	97
Литература	100
Рекомендуем почитать	101
II. Мини-хрестоматия	103
Вопросы для самоконтроля	138

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

От автора

В течение нескольких лет до начала чтения раздела «Славянские литературы» как части курса «Мировая литература» проводилось анкетирование студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств на предмет выявления знаний о писателях – представителях разных славянских литератур и их произведениях. Называя русских писателей, опрашиваемые в большинстве своем не могли припомнить (чаще вообще не знали) практически ни одного художника слова из других славянских государств. Открытием для них стали имена И.Андрича, М.Кундеры, В.Шимборской, Ч.Милоша, Б.Грала и других.

Волей судьбы ли, таланта ли право на жизнь обретают лишь десять книг из тысячи и одна-две становятся бессмертными. Значит ли это, что читать много – лишь время тратить? Вовсе нет. Отобрать зерна от плевел, увидеть в художественной литературе искусство, приобрести культурный багаж способен овладевший навыками вдумчивого чтения, приемами эстетического восприятия, духовной культуры читатель. Для него чтение художественной литературы – серьезный труд, часто материал для дальнейшей или основной работы.

Любая работа учебного характера дает знания. Но знания не должны стать грудой камней, под которой можно себя похоронить, потерять индивидуальность. Знания должны стать той высокой горой, на вершину которой следует забраться, чтобы видеть далеко и

многое. Стремление к поиску, постоянное узнавание нового – неотъемлемая часть университетского образования и науки. За короткое время студенту нужно найти и осмыслить большой объем информации. Многие умело используют возможности компьютера, Интернета, однако не всегда знают, что именно искать, в каком направлении осуществлять поиск, и в этом отношении подготовленное пособие – помощь в отборе информации, своеобразный путеводитель по миру славянской литературы.

Белорусское славяноведение, представленное такими учеными, как И.Шабловская, С. Мусиенко, А.Мальдис, И.Черота, Е.Леонова, Е.Вострикова, Н.Решетникова и др., активно и успешно изучает современную и классическую литературу разных славянских народов, но учебника по славянским литературам для студентов белорусских гуманитарных вузов нефилологического профиля нет. Есть отдельные разделы (в основном по истории славянских литератур) в учебниках по зарубежной или мировой литературе. Данное учебное пособие – первая в Беларуси работа обобщающего характера.

Материал в пособии располагается с учетом степени «взрослости» той или иной литературы: краткая история и сведения о современном состоянии; имена и произведения, уже вошедшие в золотой фонд мировой литературы, и еще только пробивающиеся сквозь массу современной литературы новаторские творения.

Пособие предназначено для студентов Белорусского государственного университета культуры и искусств, в первую очередь факультета библиотечно-информационных систем. Исходя из специфики, потребностей этого факультета, называется много имен – представителей разных славянских литератур, как классиков, так и сегодня живущих и пишущих, тех, о ком говорят и

спорят. Знакомство с ними дает возможность из большого количества имен и произведений выбрать по-настоящему талантливые и значимые.

В структуре учебного пособия можно выделить два основных содержательно-функциональных раздела. Первый посвящен панорамному обзору исторического развития и современного состояния славянских литератур – болгарской, польской, сербской, чешской. Второй – мини-хрестоматия, составленная из фрагментов произведений писателей, ставящая целью заинтересовать студента, дать почувствовать своеобразие тематики, стиля отдельных авторов, стимулировать желание погрузиться в художественные миры славянской литературы.

Учитывая образовательный пробел на начальном этапе, в конце пособия предлагаются вопросы для самоконтроля – проверки прочности и полноты усвоенного. Для более детального изучения курса славянских литератур дается подборка учебной, информационно-справочной основной и дополнительной литературы, а также список произведений, рекомендуемых для чтения изучающим данный курс.

Пособие может стать для потенциального читателя гидом по миру литературы славян, близких духовными и эстетическими ценностями белорусской литературе и культуре.

Введение

Славянами принято называть крупнейшую группу родственных народов с этноязыковой общностью, издавна проживающих на территории Европы (в Восточной Европе, Азии и на Балканском полуострове). Общая численность славян (по данным на 2002 г.) составляет приблизительно 300–350 миллионов человек (русских 145 млн, украинцев около 50 млн, белорусов до 10 млн, поляков около 45 млн, чехов около 10 млн, словаков 5,5 млн, болгар 9–10 млн, сербов до 10 млн человек). В зависимости от языковой и культурной общности славян условно подразделяют на три большие группы. Это славяне восточные – русские, украинцы, белорусы, русины (небольшая, около 20 тысяч, группа словаков, переселившихся на территорию бывшей Югославии), западные – поляки, чехи, словаки, лужичане, кашубы и южные – болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы. Основными религиями преимущественно являются православие и католицизм, меньше представлены старообрядчество, язычество и ислам. Распространен атеизм.

Сохранились определенные сведения о происхождении названия «славяне». Версии таковы: 1) от *slovo* (люди, говорящие понятно, «по-нашему», в отличие от «немцев» – немых, чужих); 2) от индоевропейского корня *kleu* – молва, известность; 3) от топонима, видимо, названия реки (Слаутич, Слава, Служа, Славница); 4) от *s-lau-os* – народ. В языкознании установлено, что славянский язык молодой в индоевропейской группе.

В качестве литературного примера появления, территориального расселения и названий славянских племен приведем цитату из известнейшего произведения древнерусской литературы «Повести временных лет»: «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы¹, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане². Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле, и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане³, иные – поморяне⁴.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась “славянская”».

¹Морава – название притока реки Дунай; Моравия – историческая область в Чехии, которую с середины I тыс. н.э. населяли мораване и др.

²Хорутане – старинное название словенцев.

³Мазовшане – западно-славянское племя, расселившееся в Мазовии и участвовавшее в этногенезе польской народности.

⁴Поморяне – группа западно-славянских племен, участвовавшая в этногенезе польской народности, но сохранившая при этом большое своеобразие.

Важнейшую роль в становлении славянской письменности, культуры и литературы сыграли просветители, проповедники христианства, создатели славянской азбуки братья Кирилл (около 827–869) и Мефодий (около 815–885). Приглашенные в 863 г. из Византии князем Ростиславом в Великоморавскую державу, они создали славянскую церковь и перевели с греческого на славянский язык несколько богослужебных книг. Кириллу принадлежит авторство сочинения «Писание о правой вере», молитв и бесед, а Мефодию – перевод полного текста Библии. Братьям приписывают создание кириллицы – первой славянской азбуки, которой пользовались южные, восточные и, возможно, западные славяне. Еще одной древней славянской азбукой была глаголица, отличающаяся от кириллицы формой букв и имевшая распространение в X–XI вв. в основном у юго-западных славян в западной части Балканского полуострова и в Моравии.

Еще во второй половине XIX в. самостоятельных славянских государств не существовало. Они входили в состав трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Османской. Исключение составляли черногорцы и лужичане. К концу XX в. государственную самостоятельность имели все, кроме русских и лужичан. Национальное самосознание славян стало активизироваться со второй половины XVIII в., времени подъема национально-освободительного движения, национально-освободительных восстаний.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болгарская литература – самая древняя из славянских литератур. Она начинается с 886 г., с Преславской книжной школы. Важную роль в ее становлении сыграли первые славянские просветители, создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий, а также их ученики.

Расцвет древней болгарской литературы относится к концу IX – началу X в. Это были сборники поучений, жития святых, проза и поэзия, а также переводы с греческого языка на староболгарский церковно-служебных книг, таких как Псалтырь, минеи, Апокалипсис, ряд трудов святых отцов. Переводной литературой Болгария снабжала даже другие славянские страны.

Как национальная художественная литература болгарская литература сформировалась поздно, что объясняется многовековым иноземным порабощением: сначала византийское господство (XI–XII вв.), потом с XIV в. османское иго, которое продолжалось почти пять столетий: были уничтожены многие памятники национальной культуры, нависла угроза исчезновения языка. Об этом периоде болгарской истории написано немало. Приведем в качестве примера отрывок из романа М.Макдермотта «Апостол свободы»: «Обычно болгары тихо и мирно жили в соседстве с турками, – разумеется, при условии, что они вовремя платили налоги, а на все вопросы отвечали со смирением и к ответу присовокупляли взятку; но в любую минуту достаточно было малейшей искры, чтобы выз-

вать взрыв мусульманского фанатизма, и он заливал окрестности как лава, оставляя после себя слезы и пепел пожарищ. Ничья жизнь и ничье имущество не были в безопасности... По всей Болгарии пели не только о любви юноши к девушке, не только о радостях и печалях обычной жизни; песни повествовали о ее ужасах с обыденной простотой, от которой даже сегодня стынет в жилах кровь и сжимается сердце. Песни рассказывали о том, как женщин уводят в цепях в рабство, отрывая от родного дома и детей; об украденных невестах; о насильственном обращении в ислам; о пытках и допросах, о тюрьмах и казнях».

С началом турецкого ига литературная жизнь Болгарии переместилась в Россию, Сербию, Румынию, другие страны. Писатели отражали жизнь болгар под игом Османской империи и собственных ренегатов, призывали к борьбе против угнетателей. Произведения носили скорее реалистический, нежели романтически-сентиментальный характер. Особую роль в деле национального возрождения сыграла книга монаха из Святогорского монастыря Паисия Хилендарского «Славяно-болгарская история о народах и царях болгарских» (1762). Национальное возрождение, начало которого связывают с концом XVIII в., продолжалось до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей народу Болгарии освобождение и давшей развитие национальной литературе. В 70-е гг. действовали Васил Левски, Любен Каравелов, Христо Ботев, возглавившие национально-освободительное движение. Революционеры и политики, они не только бунтовали против политического и экономического рабства, но и много сделали для культуры. В литературе преобладали социальные мотивы (особенно это касается поэзии Х. Ботева). Каждое из названных имен свято для болгар. Например, Васил Левски – идеолог и организатор болгарской национальной революции – стал националь-

ным героем. Если турки надеялись задушить свободу, повесив Левского, которого люди называли Апостолом свободы, то просчитались. Оставшиеся на свободе его соратники подняли Апрельское восстание 1876 г. И хотя оно потерпело поражение и было кроваво разгромлено турками, получило резонанс во всем мире: в защиту права болгар на независимость выступили Тургенев, Гюго, Гарибальди; Россия объявила войну Турции. Прошло несколько лет, и Болгария радостно встречала победоносную русскую армию генерала Гурко, принесшую свободу, которую народ этого балканского государства ждал пятьсот лет. В Болгарии память о Левском чтут, не только запечатлев его образ в картинах, памятниках, монументах, но даже первое спортивное общество, основанное в 1912 г., крупнейший стадион Софии и ведущая футбольная команда города носят его имя. Личность Левского вдохновила не одного писателя на создание художественных произведений о нем.

В болгарской литературе даже во второй половине XIX в. еще не было четкого размежевания литературных направлений. Сосуществовали сентиментализм, романтизм, реализм, но более всего превалировал интерес к реализму. Болгарские писатели многое заимствовали у русских, т.к. жили, учились в России. Поэтому понятно, почему с конца 40-х гг. в Болгарию широко проникает русская литература, усиливаются культурные связи, учитывается опыт русской литературы. А в России этого времени особое значение получил реализм, развивались повесть и роман, объективно показывающие происходящее. К 60-м гг. в болгарской литературе относится появление такого прозаического жанра, как повесть. Интерес к жанру вызвала возможность обстоятельно представить многообразие жизни, поставить острые вопросы, вымысел соединить с

действительностью. Роман заявит о себе лишь в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

У истоков болгарской прозы стояли **Любен Каравелов** и **Васил Друмев**. Л.Каравелов, будучи политическим и революционным деятелем, был вынужден жить на протяжении многих лет в эмиграции – то в России, то в Румынии, то в Сербии, являвшейся в то время центром освободительного движения южных славян. Сербские критики называли его одним из зачинателей сербского реализма. В Сербии была написана повесть «Виновата ли судьба?» Творчество «русского периода» подарило читателям книгу рассказов и повестей «Страницы из книги страданий болгарского племени». В Румынии он издавал газеты «Свобода» и «Независимость». Самым значительным в литературном наследии Каравелова считается повесть «Болгары старого времени» (1867) – произведение, достоверно передающее реальные жизненные ситуации и типичные характеры болгар, проникнутое национальным колоритом, тоской по родине, лиричностью и блестящим юмором.

Когда слава Каравелова была в зените, в литературе появилось новое имя – **Иван Вазов** (1850–1921). Поэт, прозаик, драматург, не разделявший революционных убеждений Каравелова, но уважавший его, И.Вазов в дальнейшем становится патриархом болгарской литературы (у него даже было прозвище «дед»). Его литературное наследие составляет 20 томов. Признание за ним статуса национального поэта произошло вскоре после освобождения Болгарии и продолжалось до конца жизни. Будучи молодым, он отстаивал идеалы национального освобождения и политической независимости болгар. Живя в 70-е гг. в Румынии, написал два сборника стихов, отразивших трудную судьбу болгарского народа и его борьбу против поработителей. Материалом для повестей становилась жизнь, главенствующее место занимала нравственная проблема-

тика. Он пишет и о Василе Левском, и о “маленьком человеке”, лишенном защиты в обществе, где властвует нажива, рисует национальный характер, выступая демократом и гуманистом. Писатель испробовал буквально все жанры, выступал за чистоту болгарского языка и определил лицо болгарской литературы на долгие годы. Самые известные его произведения – роман «Под игом», повесть «Отверженные», рассказы «Болгарка», «Недавнее». Идеалы социально-политического характера он воплотил в эпической трилогии «Наша родня», «Под игом», «Новая земля». Классик И.Вазов интересен и современникам, о чем свидетельствует проведенная в его стране в 2008–2009 гг. кампания «Большое чтение». Болгарским читателям предложили назвать авторов и романы, более всего им любившиеся. Список выглядел таким образом: 1-е место занял роман И.Вазова «Под игом», 2-е – «Время раздельное» А.Дончева, 3-е – «Табак» Д.Димова, на шестом месте – М.Булгаков, десятом – А.Дюма, двенадцатом – Г.Маркес.

После освобождения Болгария приобрела статус буржуазно-монархического государства. Демократические завоевания ослабевали. Усилилась эксплуатация трудящихся. Разорялись мелкие собственники, накапливалось богатство небольшой части общества, особенно землевладельцев. Произошло расслоение болгарской деревни. Крестьянский вопрос стал одним из главных. Появляется целая группа писателей, для творчества которых основной становится тема жизни болгарского крестьянина, болгарской деревни. Особенно выделяются такие прозаики, как **Михалаки Георгиев**, **Тодор Влайков**, а в 1897 г. впервые появляется **Елин Пелин** (это псевдоним Димитра Стоянова) (1877–1949). В 26 лет он уже был известен и популярен в Болгарии. Писал не только о деревне, сельских жителях, их восприятии жизни. Он автор сатириче-

ских и юмористических рассказов, повестей «Гераковы», «Земля», сборника легенд, сборника стихов в прозе «Черные розы». Писатель увлекался социалистическими идеями, любил творчество М.Горького и А.Чехова. Во время Второй мировой войны был фронтовым корреспондентом.

В конце XIX в. в болгарской литературе усиливается критика буржуазных законов и морали, что отражается в творчестве И.Вазова, А.Страшимирова, П.Яворова. Возрождаются жанры фельетона, басни, сатирической поэмы. К этому времени относится творчество блестящего мастера сатиры **Алеко Константинова** (1863–1897), автора всего двух книг, вышедших при его жизни: путевых очерков «До Чикаго и обратно» и сатирической повести в рассказах «Бай Ганю» (1895), вошедшей в золотой фонд болгарской литературы. Двух книг оказалось достаточно, чтобы писатель стал классиком болгарской литературы. А.Константинов происходил из знатного рода. Получил блестящее юридическое образование в России, откуда вернулся на родину в 1888 г. и стал служить судьей, потом адвокатом, разоблачал коррупцию и махинации, выступал против реакции, монархии, критиковал отрицательные стороны буржуазного общества, за что писателя уволили со службы, преследовали, травили, а впоследствии злодейски убили. Имя «бай Ганю» стало нарицательным в Болгарии. Желая подчеркнуть отрицательное в герое, писатель ставит его в необычные условия: то отправляет в путешествие по Европе, то показывает моющимся в бане, то посещающим венскую оперу или пражскую выставку. Каждый рассказ раскрывает одну из черт характера этого торговца розовым маслом (кроме того, он еще и член правящей партии, владелец какого-то предприятия) – человека бесцеремонного, самодовольного, необразованного, жадного, типичного представителя буржуазной среды. При этом он

простоват, энергичен, рассудителен, юмористичен. Во второй части цикла рассказов бай Ганю возвращается из Европы и становится журналистом, депутатом, членом правительственной делегации, даже заигрывает с народом. Показана и окружающая обстановка (по выражению писателя, «зло не в нем, а в среде»). Это собирательный образ, но трактуют его по-разному.

На рубеже XIX–XX вв. болгарская литература обогащается психологизмом, наряду с национально-освободительными идеями поднимаются общечеловеческие проблемы. Господствующим методом становится реализм, ярким представителем которого можно назвать прозаика и драматурга **Йордана Йовкова** (1880–1937). Среди лучших его произведений – «Болгарка», «Наблюдатель», «Последняя радость», «Женское сердце», «Суд», «Легенды Стара-Планины» и др. Антивоенная проза этого писателя носит гуманистический характер. Много внимания он уделяет описанию жизни болгарского крестьянина. Этические взгляды Йовкова свидетельствуют о его симпатии к учению и взглядам Л.Толстого. В историю болгарской литературы вошел как мастер малых форм психологической прозы.

В это же время в литературе возникает модернизм, представленный творчеством **Пенчо Славейкова**, **Пейо Яворова**, появляется пролетарская литература, а вместе с ней утверждается социалистический реализм.

1941–1944 гг. – время подпольной литературы, литературы Сопротивления. В 1946 г. после образования Народной Республики Болгарии основным методом становится именно соцреализм. Яркой звездой на литературном небосводе заблистал **Димитр Димов** (1909–1966) – прозаик, заслуженный деятель культуры Болгарии, профессор анатомии, член Болгарской коммунистической партии, автор романов «Поручик Бенц», «Осужденные души», в которых проявилось

мастерство создания психологического повествования, и ряда пьес. Мировая слава пришла к писателю с выходом романа-эпопеи «Табак» (1951), в котором речь идет об истории взлета и падения табачного концерна «Никотиана», эксплуатации народа и застилающей глаза жажде наживы табачных магнатов, влияющих на судьбы людей, прежде всего героини романа – Ирины.

В эти годы ярко развивается жанр романа, особенно социально-психологического, широко используются документы, мемуары. Примерами могут служить трилогия «Солунские братья» Г.Караславова, «Легенда о Сибине, князе Преславском», «Антихрист», «Похититель персиков» Е.Станева. **Емилиан Станев** (псевдоним Николы Стоянова Станева) (1907–1979) – автор анималистических рассказов, сборников рассказов («Дива-птица», «Тихим вечером») о природе и человеке. Более 14 лет жизни писатель отдал работе над романом «Иван Кондарев», в котором описал события Сентябрьского восстания 1923 г. Историческая тематика пронизывает романы «Легенда о Сибине, князе Преславском», «Антихрист», «Тырновская царица».

В 60–70-е гг. XX в. в болгарской литературе появляются произведения, сделавшие их авторов классиками болгарской литературы, Й.Радичкова, Павла Вежинова, А.Гуляшки, Б.Райнова.

Богомил Райнов (1919–2001) – прозаик, поэт и драматург, искусствовед, знаток живописи, киносценарист. Выпускник философского факультета Софийского университета. В 1941 г. выпустил первый сборник стихов. Огромную популярность принесли ему книги о разведчике Эмиле Боеве и инспекторе уголовного розыска Петре Антонове, в которых писатель проявил себя как мастер детективно-приключенческого романа («Инспектор и ночь», «Только для мужчин», «Что может быть лучше плохой погоды», «Большая скука»).

В литературоведческом труде «Черный роман» Райнов исследовал феномен таких жанров, как шпионский триллер и детектив. В свое время экранизации его произведений «Что может быть лучше плохой погоды» и «Большая скука» были кассовыми бестселлерами.

Гонорары за книги Б.Райнова были так велики, что его партийные взносы (а он вступил в Болгарскую рабочую партию (коммунистов) в 1944 г.) во много раз превышали оклады болгарских ученых с мировыми именами. Отношение к писателю на родине неоднозначно, что связано с его общественной и политической деятельностью. Он много лет являлся членом ЦК БКП. Будучи заместителем председателя Союза болгарских писателей, насаждал соцреализм, участвовал в идейном разгроме в 50-х гг. независимых болгарских деятелей культуры (например, художника А.Жендова, поэтов А.Далчева, Х.Радевского). При этом именно Райнов совместно с художником Светлином Русевым приобретал картины для Национальной галереи зарубежного искусства (об этом роман Райнова «Странное это ремесло»).

Павел Вежинов (под этим псевдонимом с 1938 г. выступал Никола Делчев Гугов) (1914–1983) начал печататься в 30-е гг. XX в. Тематика творчества – городской быт, война, послевоенная жизнь («Вторая рота», «Звезды над нами», «Весы», «Современная долина»). Сложные проблемы морали нашли глубокое осмысление в произведениях «Запах миндаля», «Следы остаются», «Далеко от берега». В центре романа «Ночью на белых конях» – одновременно и лирического, и социально-философского, и исповедального – судьба ученого, подошедшего вплотную к открытию вируса рака, прошедшего через войну, революцию. Ему не судьба довести труд до конца, его волнует вопрос о наследниках, их духовных, а не только профессиональных качествах. В 1982 г. появился роман «Ве-

сы». Особенностью метода писателя явилось сочетание реализма с фантастикой. Известны его детективно-приключенческие и фантастические произведения, например, повесть «Барьер» – о границах человеческих возможностей (Доротея, героиня повести, умеет... летать), «Гибель Аякса», занимательные произведения для детей и юношества. Есть фильмы по его произведениям.

Андрей Гуляшки (1914–1995) – прозаик, драматург, мастер исторического и научно-фантастического повествования, автор таких произведений, как «Золотое руно», «Дом с лестницей красного дерева», «Яков и дьявол», «Похищение Данаи», «История с собаками», «Убийство на улице Чехова», «Золотой век», пьес «Болото», «Обещание», цикла «Приключения Аввакума Захова». Самый знаменитый его персонаж – контрразведчик Аввакум Захов впервые появляется в романе «Случай в Момчилове». В свое время Гуляшки был главным редактором болгарского журнала «Современник», секретарем Союза болгарских писателей.

Особое место в болгарской литературе занимает **Йордан Радичков** (1929–2004). Писатель дважды номинировался на Нобелевскую премию, что свидетельствует о его заслугах перед искусством слова. И хотя столь высокой наградой отметили других, Радичков стал лауреатом многих премий как у себя на родине, так и за ее пределами. Например, он носитель шведского ордена «Полярной звезды». В 1996 г. Международный совет по книгам для юношества внес его имя в список кандидатов на соискание премии им. Ганса Христиана Андерсена (иногда эту премию называют «малой Нобелевской»), в 2003 г. писателя удостоили государственной награды в области культуры Св. Паисия Хилендарского. Начинал как репортер молодежной газеты, литературой стал заниматься с 1949 г., опубликовав рассказы и очерки. Вершин мастерства

писатель достигает в сборниках «Пороховой букварь», «Верблюды», «Автострада», романах «Праца», «Все и никто», «Ноев ковчег», повестях «Опрокинутое небо», «Жаркий полдень», «Воспоминания о лошадях» и других произведениях. В 2003 г. вышел сборник интервью писателя.

Литературные критики как-то сравнили им написанное с пороховым букварем, припомнив название одного из его творений. Произведения Йордана Радичкова можно перечитывать снова и снова. Писатель проникает в те сферы жизни, о которых человек не всегда задумывается. Он создает героя нового типа. При этом именно человек – главное действующее лицо как прозы, так и драматургии Радичкова. Его пьесы («Январь», «Суматоха», «Попытка полета») ставили в Австрии, Германии, Греции, Швейцарии, Дании, Польше, России, Чехии, Финляндии и других странах. Всегда помня о своих корнях, писатель проявлял искренний интерес к национальным проблемам. В последние годы жизни в творчестве Й.Радичкова – представителя магического реализма – появились новые штрихи: ироничный рассказ-ретроспекция с думами о современности. Писатель с мировым именем, он общался с коронованными особами, Папой Иоанном Павлом II, видными поэтами, художниками, кинорежиссерами, музыкантами. К его мнению прислушивались не только собраты по перу. Так, он был на протяжении 13 лет (с 1973 по 1986) советником Совета по развитию духовных ценностей в Государственном совете Народной Республики Болгарии. Его произведения переведены на 37 языков мира. Более чем в 50 странах знакомы с его творчеством.

Особенностью болгарской литературы второй половины XX в. явилась универсальность творчества веду-

щих литераторов. Иными словами, они были одновременно и поэтами, и прозаиками, и драматургами. К названным выше именам добавим **Георги Джагарова** (1925–1995), окончившего в Москве Литературный институт имени М.Горького. Во время Второй мировой войны он участвовал в антифашистском движении. С 1966 г. выполнял обязанности председателя Союза болгарских писателей. Был заместителем председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии. Ему присвоено звание «Народный деятель культуры Болгарии». Выступал как поэт (сборники стихов «Мои песни», «В минуты молчания» и др.) и драматург (драмы «Двери закрываются», «Прокурор», «Эта маленькая земля» и др.). Общественный долг человека, конфликты современности, нравственные проблемы – вот основная тематика произведений Г.Джагарова, в которых сочетаются драматическая напряженность, лиричность и гражданская страстность.

В 80-е гг. XX в. в болгарской литературе стал известен **Георги Мишев**. Учился в ветеринарном техникуме, потом на факультете журналистики, стал писать сценарии к сериалам. Его произведения: «Матриархат» – о будничной жизни болгарок, сценарии к фильмам «Вольная зона», «Почти любовная история», «Дунаев мост». Заговорили и о **Викторе Паскове**. Будучи оперным певцом, композитором, Пасков, работавший в Германии музыкальным критиком, стал писать пьесы, прозу, основанную на автобиографическом материале, и сразу же привлек к себе читательский интерес.

Признанным мастером жанра короткого рассказа является **Дончо Цончев** (1933–2010), выпустивший несколько десятков сборников, один из которых – «Красные слоны». Кроме рассказов, в багаже писателя повесть, с которой он пришел в литературу в 1966 г.,

«Мужчины без галстуков», романы «Принцы», «Желтый дом», «Госка уходит», «Роман на колесах» и другие книги. Д.Цончев пишет о том, что хорошо знает. Его герои занимаются тем же, что и он: работают геологами, занимаются боксом или участвуют в автогонках, увлекаются охотой. Так возникает образ современного болгарина, верящего в добро, готового к самопожертвованию, не лишённого человеческих слабостей, а в целом – земного человека. Темы произведений разнообразны и актуальны: это и жизнь горожанина с его проблемами, и раздумья о природе, и охотничьи рассказы. Стиль его произведений лаконичен, задушевность сменяется юмором, порой сатирой.

Одно из центральных мест в современной болгарской литературе занимает лауреат многих национальных литературных премий **Георги Господинов** (р. 1968) – поэт, прозаик, драматург. Он начинал как поэт: в 1992 г. вышла книга стихов «Лapidариум», а сборник «Черешня одного народа» переиздавался трижды. В середине 90-х гг. опубликовал «Болгарскую хрестоматию» и «Болгарскую антологию» – книги – литературные мистификации. Но мировое признание Г.Господинов получил как автор прозаического произведения «Естественный роман», переведенного на 15 языков мира и ставшего одной из самых читаемых на его родине книг.

Многообразна поэзия XX в., в которой есть и интимная, и пейзажная, и философская тематика. Назовем ставших уже классиками болгарской поэзии поэтов **В.Ханчева, Д.Методиева, Валери Петрова, П.Матева, В.Башева**. Их поэтическое творчество – осмысление происходящего, философские думы, призыв к молодому поколению, как, например, в стихотворении В.Башева «Размышление»:

нате: Семь образов болгарской литературной провинции». Его поэзия авангардна, что в болгарской литературе не вполне приживается. Нанков называет себя «поэтом-парадоксалистом», потому что строит стихи на языковых и смысловых парадоксах, использует приемы повтора, тавтологии, абсурда, зауми, графики-визуализации (он еще и художник!), словесной игры (прочитайте, например, в мини-хрестоматии данного учебного пособия стихотворение «Барболинке барболинке барболинке» и услышите, как по полу, шурша, рассыпаются бисеринки, а в другом стихотворении Нанкова «русская погода» выстраивается в «китайскую пагоду»). Поэт свободно владеет несколькими иностранными языками, в том числе русским, на котором тоже сочиняет стихи, к тому же он любит соединять разные языки.

Литература

1. *Андреев, В.Д.* История болгарской литературы / В.Д.Андреев. – М., 1978.
2. *Антология* современной болгарской поэзии. – М., 2007.
3. *Зарев, П.* Панорама болгарской литературы: в 2 т. / П.Зарев. – М., 1976.
4. *Пьесы* болгарских писателей. – М., 1971.
5. *Современная* болгарская повесть. – М., 1975.
6. *Современная* болгарская драматургия. – М., 2004.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Христианство пришло в Польшу в 966 г. и пользовалось латинским языком. Высшее духовенство вплоть до XII в. состояло из людей иностранного происхождения, и писали они и проводили богослужение на латыни, т.е. на языке, непонятном для большинства верующих. Только спустя время введено было богослужение по-польски.

Первыми литературными трудами в Польше считаются списки IX в., хроники религиозного характера начала XII в. на латыни, ограниченные теологическими темами. Сочинения на польском языке появляются в XIII и XIV вв. Древнейший памятник польской литературы – это церковная и боевая песнь, подобная молитве, с обращением к богородице-деве, возникшая, как считают, в начале XV ст. Кроме религиозных песен сохранились легенды, написанные стихами. С XV в. на польском языке появляются переводы церковных текстов, песнопения, потом поучительные песни, вирши.

Старопольскую литературу делят на три периода. **Первый – Средневековье** (XII–XV вв.): событием стало открытие в 1364 г. Краковской академии (в ней в свое время учились Н.Коперник, М.Рей, Я.Кохановский), которая превратилась после 1400 г. в Ягеллонский университет (его окончила, например, Нобелевский лауреат поэт В.Шимборская). Отцом польской литературы считается **Миколай Рей** – писатель, сатирик, моралист. Он первым стал писать на родном языке. Творчество М.Рея отражает национальную специфику. Защитник интересов шляхты, Рей в произведе-

ниях грубоватым, но сочным языком давал ей морально-политические указания и высмеивал ее противников (не случайно писатель считается создателем польской фразы⁵). Король Зигмунт Август за перевод (прозаическая версия) М.Реем «Псалтыри» пожаловал ему деревню. Ю.Крашевский написал о нем монографию, а А.Мицкевич прозу писателя сравнивал с работой М.Монтеня «Опыты».

Второй период – **Возрождение** (XVI в.): польский язык утверждается в качестве литературного, происходит расцвет гуманизма, центром книгопечатания становится Краков. Особое место занимает **Ян Кохановский**, крупнейший поэт польского Ренессанса, заложивший основы национального стихосложения. Он автор поэм, трагедии, переложения «Псалмов Давида», шуточных, подчас фривольных стихотворений. В «раках»⁶, им написанных, при зеркальной перестановке слов внутри строк каждая строка и все стихотворение получали противоположный смысл.

Третий период – **барокко** – длился до середины XVIII в. Барокко в литературе развивалось по двум направлениям: западного характера – галантное барокко и так называемое сарматское, национально ориентированное барокко. Именно тогда появились рифмованные хроники и трактаты, медитативная и любовная лирика. Наиболее яркие представители этого времени – **Самуэль Твардовский, Вацлав Потockий**.

Новая литература начинается с эпохи **Просвещения** (вторая половина XVIII – начало XIX в.), когда шла борьба за реформы, национальную независи-

⁵Фразка (т.е. «пустяк, безделица, мелочь») – особый жанр стихотворной миниатюры-эпиграммы, культивируемый в Польше начиная с XVI в.

⁶В России «рачы стихи» называли «перевертнями», или палиндромами. Это были строки, читаемые одинаково слева направо и наоборот. Классический пример – стих «А роза упала на лапу Азора» А.Фета.

мость, появились первые литературно-художественные журналы, национальный театр. В 1765 г. открывается первый публичный театр, заявляют о себе жанры бытовой комедии и сатиры. В литературу приходят классицизм и сентиментализм. Главнейшим выразителем польского Просвещения стал поэт, прозаик, переводчик **Игнацы Красицкий**, автор басен, сатир и, как считают, первого польского романа «Приключения Миколая Досвядчиньского».

В 1795 г. после упорной и кровопролитной борьбы польское государство перестало существовать. Произошел раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

На протяжении XIX в. литература развивалась в условиях национального угнетения народа под игом трех монархий. На ее развитие оказали влияние национально-освободительные восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг.

На рубеже 1810–1820-х гг. сложился **польский романтизм**. Его манифестом стали два тома «Поэзии» Адама Мицкевича. На первом плане в литературе оказались революционно-патриотические тенденции. Баллады, романсы, сонеты, лирические стихотворения, поэмы – такова жанровая палитра польского романтизма. Назовем его выдающихся представителей: **Адам Мицкевич** («Гражина», «Конрад Валленрод», «Пан Тадеуш», «Дзяды»), **Антони Мальчевский** (автор только одного произведения – романа в стихах байронического характера «Мария»), **Юлиуш Словацкий** – основоположник новой польской драмы (философско-исторические поэмы «Король-Дух» (мистический эпос о польской истории с древних времен до Средневековья), «Беневский» (по виртуозности мастерства поэта это произведение сравнивают с «Дон Жуаном» Байрона), драма «Кордиан»).

Постепенно жанр поэмы обогащался, превращаясь в национальную эпопею. Это относится, в первую очередь, к поэме «Пан Тадеуш» (1834) (единственный в европейской литературе того времени героический эпос) А.Мицкевича. Белорусский фонд культуры к 200-летию юбилею поэта издал это произведение на трех языках – белорусском, польском и русском. Белорусский перевод, осуществленный в сибирском ГУЛАГе поэтом Петром Бителем в 50-е гг., не имевшим перед собой иных переводов, сделанных до него, хранился в архивах почти полвека и был опубликован впервые только в 1998 г. Сталинский узник в качестве пишущего инструмента использовал конец обугленной проволоки, а бумагой ему служили мешки из-под цемента. По этому произведению выдающийся польский режиссер Анджей Вайда снял блокбастер, поставив задачу не развлечь зрителя, а заставить задуматься. Основой озвучивания фильма послужил перевод П.Бителя как наиболее качественный и близкий к оригиналу. В знаменитую плеяду польских романтиков входит и **Циприан Норвид**, создавший оригинальную концепцию гуманистического универсализма. (Его еще называют последним романтиком и первым позитивистом.)

В 60-е гг. в польскую литературу приходит реализм и начинает развиваться проза. Самым популярным оказывается жанр романа. «Творцом современного польского романа» Э.Ожешко называла **Юзефа Крашевского** (1812–1887), добросовестного, эрудированного, трудолюбивого человека, самого плодовитого писателя, имя которого занесено в Книгу рекордов Гиннеса. «Роман из 6–10 тысяч строк я пишу обычно десять дней...», – признавался Крашевский. Он был родом из деревни Долгое Пружанского района (Беларусь). Образование получил в Виленском университете. Хорошо рисовал, любил историю, о

которой много писал: например, это четырехтомная история Вильно, двухтомная история Литвы. Но больше всего писателя интересовала история Польши. Огромно наследие Крашевского – около 600 томов: 223 романа и повести, несколько сборников стихов, пьесы, переводы, работы по истории, этнографии, литературоведению. (При этом отметим, что не все в его творчестве отличается художественной безупречностью.) Самые известные произведения – романы «Старое предание», «Графиня Козель», «Брюль», «Волшебный фонарь».

Становление реализма шло интенсивно, при этом он приобретал специфические черты, обусловленные разделением Польши. В литературном процессе особое место занял **позитивизм** (такое название получил период в польской литературе с 1864 по 1890 г.). Позитивистская программа представляла собой отказ от вооруженной борьбы за национальную независимость, сосредоточенность на экономических, социальных и культурных проблемах, приоритет науки, тщательное изучение общества и окружающего мира, особое влияние общественных идей на творчество писателей. Широкое распространение получил так называемый варшавский позитивизм, имевший общественно-идеологический характер, апеллировавший ко всем гражданам, но опиравшийся на польскую интеллигенцию, которая должна была воспитывать, образовывать народ. Если в романтизме доминировала поэзия, то теперь выдвигается на первый план проза – повесть, роман. В литературе признается верховенство реалистического направления. Изменяется тематика литературы, она демократизируется. В прозе преобладает социальная проблематика, описание жизни крестьян, городских низов, появляются новые социально-психологические типы героев.

Позитивизму, в определенной степени его художественной реализации, оказалась близка выдающийся прозаик, хорошо известный и белорусскому читателю, **Элиза Ожешко** (1841–1910), чье литературное наследие составляет около 60 томов. Важнейшее место в творчестве писателя занимает белорусская тематика. Народные песни, предания, обряды, быт и психология белорусов, их фольклор нашли отражение в рассказах «Тадеуш», «Романиха», «А...Б...Ц...», «Эхо», повестях «Низины», «Дзюрдзи», «Хам». Лучший роман Э.Ожешко «Над Неманом» (изображена жизнь сельской шляхты на территории бывшего Великого Княжества Литовского) по многоплановости и эпичности сравнивают с поэмой А.Мицкевича «Пан Тадеуш». Творчество писателя отличает значительность проблематики, глубокий психологизм, поэтичность в описании природы, любви, труда. Ф.Богушевич, друживший с ней, называл Э.Ожешко «королевой живого слова и мучительной правды».

Проза этого времени жанрово обогащается, тяготеет к эпическим, масштабным полотнам. Это период расцвета исторического романа, представленного творениями Сенкевича, Пруса, Жеромского, Реймонта. Так, **Болеслав Прус**⁷ (1847–1912) (настоящее имя – Александр Гловацкий) в романе «Кукла» выводит целую галерею разнообразных социальных типов, исследует социальные связи, создает социально-психологический роман, а благодаря включению в структуру произведения дневниковых материалов одного из героев расширяет рамки повествования, которое приоб-

⁷По словам М.Домбровской, «Прус I – это герб обедневшей семьи Гловацких, последний пустячный обломок ее шляхетства, стоил лишь того, чтобы подписывать им пустяковую, как думал автор, писанину. Предчувствовал ли Александр Гловацкий, что поднимает это истлевшее прозвание до чести быть одним из величайших польских имен?»

ретаает многоаспектность и масштабность. Многим читателям хорошо известен роман «Фараон», события в котором происходят в Египте первой половины XI в. до н.э. Прус дает свое толкование событий древнеегипетской истории, соотнеся их с современностью, философски осмысливая. Писатель создает новый тип исторической прозы, отказываясь от любовной интриги как центральной в романе в пользу социально-политического конфликта и интеллектуализации повествования.

Признанным мастером жанра исторического романа по праву считается **Генрик Сенкевич** (1846–1916), лауреат Нобелевской премии 1905 г., автор исторической трилогии «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». «Огнем и мечом» стал первым историческим романом писателя, опубликовавшего до этого только несколько рассказов и повестей. В первой части трилогии речь идет о борьбе Речи Посполитой с Украиной времен Богдана Хмельницкого. Вторая часть трилогии дает описание войны поляков со шведской интервенцией 1655–1656 гг. Третий роман поэтизирует подвиги польских рыцарей во времена турецкого вторжения. Впоследствии он напишет роман-эпопею «Камо грядеши?» и роман «Крестоносцы» (о борьбе славян с Тевтонским орденом, жестоко истязавшим восточные земли). Огромный успех будет на протяжении многих лет сопутствовать роману «Камо грядеши?» (в польском оригинале название по латыни – «*Quo vadis?*», церковно-славянское «Камо грядеши?» по-русски звучит как «Куда идешь?»). Название было подсказано преданием о том, как апостол Петр после уничтожения христиан в Риме покидает его и по дороге встречает Христа, которому задает вопрос: «Куда идешь, Господи?», на что тот отвечает: «Раз ты оставляешь народ мой, я иду в Рим на новое распятие». После этого Петр возвращается в Рим и прини-

мает мученическую смерть. Это единственный роман не о польской истории. Он о борьбе первых христиан римской общины с могущественнейшей Римской империей времен правления Нерона. Если в произведениях Ю.Крашевского отразилось романтизированное прошлое Польши, то романы Г.Сенкевича имели ярко выраженную идеологическую и общественную направленность. Они динамичны, полны страстей, колоритны, читаются с интересом. Произведения Сенкевича переведены на многие языки мира, в том числе и на белорусский, неоднократно экранизированы. Влияние писателя испытали на себе белорусские авторы, например, В.Короткевич в романе «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні».

В прозе рубежа веков углубляется социальный критицизм, разрабатываются темы деревни, власти земли, крестьянского бунта, капитализации города. Об этом пишет **Владислав Реймонт** (1867–1925), лауреат Нобелевской премии 1924 г. Его перу принадлежит роман «Мужики» – энциклопедический, панорамный четырехтомный труд о жизни польского крестьянства, романы «Комедиантка» и «Последний сейм Речи Посполитой». Современником В.Реймонта являлся **Стефан Жеромский** (1864–1925). Его произведения отличают эмоциональность, драматизм коллизии, трагический финал. Писатель умело оперирует символами, приемами аллегории, подтекста, используя элементы импрессионизма и натурализма. Он писал о судьбах униженных и оскорбленных, национально-освободительном движении, современной действительности в многочисленных рассказах, драмах, романах. Так, исторический роман «Пепел» повествует о формировании национального самосознания, трагедии польской шляхты в период с 1797 по 1812 г. «Пепел» считают национальным романом о национальном характере. (А.Вайда снял по этому произведению фильм,

получивший мировое признание.) «Ветер с моря» – цикл исторических картин польской Балтики, книга – утверждение прав Польши на Поморье. Роман «Бездомные» рассказывает о рабочих, их жизни и труде. Нравственный максимализм, обращение к современности звучат и в романе «Канун весны». Соотечественники видели в Жеромском борца за правду, называли «совестью польской литературы». При этом правительство не поддержало его кандидатуру при выдвижении на Нобелевскую премию, но посмертно наградило Государственной премией, что контрастировало по отношению к недавней травле писателя из-за его романа «Канун весны». Запоздалым извинением выглядели церемония посмертного награждения Государственной премией и похороны писателя (над городом летали самолеты, перед варшавским замком выстроили пехоту, конную кавалерию и артиллерию).

В конце XIX в. наблюдается отход от позитивизма и реализма. На арену вступает «Молодая Польша» (1890–1918) – организация молодых представителей искусства, отказавшихся от позитивизма и провозгласивших право художника на самовыражение, психологизм и вхождение национальной литературы в европейский культурный контекст. Они защищали «чистое искусство», асоциальное (например, С.Пшибышевский, влияние которого испытали на себе белорусские писатели З.Бядуля, М.Горецкий, Я.Купала. Последний полемизировал с ним в «Адвечнай песне», «Снеге»). «Младопольцы» дали толчок развитию новых направлений. Их творчеству присуще переплетение реализма с натуралистическими, символистскими, неоромантическими и т.п. течениями. Модернизм (причины его появления те же, что и в западно-европейской литературе) исповедовали **К.Тетмайер**, **Я.Каспрович**, **Б.Лесьмян** (в 1994 г. стихи Лесьмяна, крупнейшего польского поэта XX в., появились в переводе О.Мин-

кина на белорусский язык в сборнике «Пан Блішчынскі»), одержимые идеями декаданса и новаторства. Видной представительницей натурализма являлась Г.Запольская (лучшая пьеса – «Мораль пани Дульской», чья фамилия стала нарицательной для определения ханжества и мещанской пошлости, разоблачаемых в произведении). Центральное место в прозе «Молодой Польши» принадлежало С.Жеромскому.

В 1900 г. вышла первая книга стихотворений **Леопольда Стаффа** (1878–1957) «Сны о могуществе», принесшая ему признание в литературе. Впоследствии увидят свет еще 20 книг Стаффа, одного из самых почитаемых польских поэтов, при этом исключительно скромного человека. Он начинал как приверженец «Молодой Польши» и символизма, но выступал против декадентского отношения к жизни. Потом обнаружится его тяга к классицистическим традициям, культуре Античности и эпохи Возрождения. В 30-е гг. Стафф опубликует сборники стихов «Высокие деревья», «Цвет меда», в которых обратится к обычной жизни, в них проявится его юмор и в определенной мере скепсис. Во время оккупации Польши гитлеровцами жил в Варшаве, преподавал в подпольном университете. Трагизм тех лет нашел отражение в сборнике «Мертвая погода». В лирике послевоенного периода (сборник «Девять муз» и др.) поэт отказался от метафоричности, традиционного метрического стиха. Стафф был лауреатом многих литературных премий, почетным профессором Варшавского и Ягеллонского университетов.

Начало XX в. в Польше было связано с пролетарским движением, давшим первые образцы пролетарской поэзии («Варшавянка» В.Свенцицкого, «Красное знамя» Б.Червеньского и др.). В 1918 г. Польша восстановила независимость после 130-летнего порабощения. Литература в эти годы выполняла особую

функцию: формировала общественное мнение, акцентировала внимание на проблемах национального освобождения. После 1918 г. обостряется борьба идеологий, происходит раскол общества: одни выступают в защиту буржуазного строя, выдвигают свои идеи (например, поэты группы «Скамандр» отвергали идею патриотического и гражданского служения обществу как навязанную политическими обстоятельствами), другие ратуют за социалистические преобразования, демократию. Об этом можно прочитать в произведениях Ю.Тувима, М.Домбровской, Я.Лехоня, Я.Ивашкевича, З.Налковской.

Мария Домбровская (1889–1965) – классик польской литературы. Известность ей принес четырехтомный роман «Ночи и дни», посвященный жизни Польши рубежа XIX–XX вв. и судьбе трех поколений шляхетской семьи (как «Сага о Форсайтах» Д.Голсуорси), написанный в традициях реализма XIX в. Писатель продолжает традиции Ожешко и Пруса. Она автор сборников рассказов «Улыбка детства», «Люди оттуда». Романы М.Домбровской основаны на личных воспоминаниях, часто автобиографичны.

Ярослав Ивашкевич (1894–1980) – писатель, музыковед, переводчик, литературный критик. Детство и юность прошли на Украине, в польской образованной семье. В доме звучала музыка (родственником по материнской линии был Кароль Шимановский), и Ярослав сначала серьезно занимался музыкой, хотел посвятить ей жизнь. С 15 лет зарабатывал уроками музыки, которую называл самым большим искусством, поэтому понятно, почему музыка в жизни людей, муки и радости творчества образуют сюжетную и интеллектуальную основу многих его произведений. В 1912 г. поступил на юридический факультет Киевского университета и одновременно учился в консерватории. Затем в октябре 1918 г. семья переехала в Варшаву,

где произошло знакомство с Тувимом, Лехонем, Слонимским. Его жизнью стала богема, эстетизм, кабаре. Потом уходит от этого, пишет повесть «Луна восходит» (о себе, молодом, его любимая книга). В начале 30-х гг. Ивашкевич уже известный писатель. Он автор нескольких поэтических сборников, новелл и рассказов (чего только стоят такие, как «Анна Градци», «Березняк», «Солнце в кухне»), романов «Красные щиты», «Заговор мужчин», пьес «Лето в Ноане», «Маскарад», художественной биографии-романа «Фредерик Шопен». Мир у Ивашкевича одновременно и прекрасен и несовершенен, человек богат радостью бытия и несчастен. Сложные философские проблемы писатель ставит не назидательно, не абстрактно, а воплощает в живых образах, исследует. В поэзии он лирик философской и любовной темы, стилизатор. Во время Второй мировой войны Ивашкевич не прекращает работу, пишет цикл стихов «Темные тропинки», «Итальянские новеллы», книгу воспоминаний. В 60–70-е гг. обращается к свободному стиху, раскрывает правду о гитлеризме, переосмысливает уроки войны, говорит о проблемах поколения, жизни, труде. Итогом размышлений над судьбами народа и человека становится эпопея в трех томах «Хвала и слава» (наподобие «Тихого Дона» М.Шолохова или «Хождения по мукам» А.Толстого). Выступает и как драматург (пьесы «Женитьба господина Бальзака», «Космогония»), и как публицист, и как переводчик произведений Чехова, Толстого, Бунина, Фета, Неруды, Валери. Не только он переводил, но и его переводили на многие языки мира, в том числе на белорусском языке опубликованы Янкой Брылем рассказы писателя.

Галерея писателей этого времени будет неполной без **Зофьи Налковской** (1884–1954). Она и писатель, и документалист, и художник, и историк. В прозе Налковская – реалист, поднимающий проблемы интелли-

генции, рассказывающий об особенностях женской души («Женщины», «Роман Терезы Геннерт», «Ровесницы», «Граница», «Князь»). Ее героиня борется за женские права, социальную справедливость, а любовный сюжет связывает политические проблемы. После Второй мировой войны З.Налковская выполняла обязанности члена комиссии по расследованию преступлений нацистов и готовила документы для Нюрнбергского процесса. Основываясь на материалах комиссии, написала одно из самых значительных произведений послевоенной польской прозы – цикл «Медальоны», состоящий из 7 рассказов. Документальностью пронизана вся книга. Так, в рассказе «Профессор Спаннер» речь идет о научно-исследовательском институте фашистов, где придумали рецепт изготовления мыла из человеческих внутренностей. Есть у нее и политический роман о Пилсудском («Узлы жизни»). Часть жизни Налковская провела в Гродно, где в университете открыт музей писателя.

В межвоенное время в польской литературе было 3 группировки: скамандриты (выступали за культ жизни, разговорный язык, их герой – человек с улицы), экспрессионисты и футуристы. В 30-е гг. получает распространение литература факта, дневника, репортажа. Роман отходит от привычной семейно-бытовой проблематики, приоритет получает документально-репортажная форма – начинает консолидироваться антифашистский фронт.

Накануне Второй мировой войны самым необычным драматургом-новатором, разрушавшим традиции классического театра и выдвинувшим теорию «чистой формы», был философ, художник, прозаик и драматург **Виткацы** (псевдоним Станислава Игнация Виткевича). Он автор романов антитоталитарного характера «Прощание с осенью», «Ненасытность», не одного десятка экспериментальных пьес («Прагматисты»,

«Сапожники», «Дюбал Вахазар, или На перевалах Абсурда» и др.). Писатель попытался создать «собственный» язык, синтезировав художественную прозу и философию.

Вторая мировая война принесла горе и в литературу. Часть писателей погибла в концлагерях, как, например, педагог, врач, прозаик и драматург **Януш Корчак** («Дети улицы», «Король Матиуш», «Сенат безумцев», «Как любить детей» и др.), сожженный в газовой камере концлагеря в Трешлинке вместе со своими 200 воспитанниками. Прошел через концлагерь, во время Второй мировой войны несколько лет провел в плену **Константы Ильдефонс Галчиньский** поэт-лирик, поэт-эксцентрик, поэт-мистификатор. Он автор сатирического театра «Зеленый гусь», эпиграфом для которого стало высказывание Бомарше «Давайте смеяться, кто знает, просуществует ли мир еще три недели», сборника стихов «Лирические песни», стихов «На смерть бабочки, раздавленной грузовиком», «Скумбрия в томате» и др. Используя иронию и сатиру, Галчиньский пытался предостеречь современников от легкомыслия перед надвигающейся катастрофой, от политических игр, и фантазмагорическая образность, сочетание несочетаемого в стихах, поэтическая игра с течением времени становились все более пессимистичными. После освобождения, в апреле 1945 г., продолжил творчество. Удивительна его поэма «Вит Ствош» о средневековом скульпторе, авторе алтаря, который тот создавал в одном из костелов Кракова в течение 12 лет, со стоящей у входа фигурой Христа, не по-церковному правдоподобной. (Во время войны алтарь спрятали, но его нашли, вывезли в Германию, а потом все же вернули. В алтаре – сцены жизни Христа и Марии, Успение Богородицы.) В 1951 г. появляется поэма «Ниобея» (это Польша, оплакивающая своих сыновей, погибших на войне, это торже-

ственный рекви́ем по павшим). Через концлагерь прошли **Леон Кручкóвский**, чьи пьесы «Возмездие» и «Немцы» отражают философский подход к пережитому им прошлому, и **Тадеуш Гóлуй** – автор стихов, повестей, романов «Королевство без земли», «Рай», ряда пьес. «Рай» – роман-разоблачение «научной» деятельности нацистов. Рай – название поместья немецкого профессора, в котором фашисты устроили концлагерь и проводили опыты над пленными, превращая их в полуживых рабов. Главный герой романа – журналист, добывающийся в ФРГ судебного процесса над нацистами, но наталкивающийся на страх некоторых оставшихся в живых заключенных и низость преступников. Таких обличающих произведений в польской литературе того времени было немного. К литературе периода войны следует отнести и литературу Сопротивления, которая создавалась на территории оккупированной Польши.

Семь лет на Западе в изгнании провел **Юлиан Тóвим** (1894–1953) – поэт, переводчик (в том числе «Слово о полку Игореве»). Его поэзия – «...простые чуда, тот край, где в лете \ Спит старый кот под форточкою чутко на парашете». Поэтического мастерства достиг в сборниках «Чернолесье», «Цыганская библия», незаконченной поэме «Цветы Польши». Он сотворял стихи подобно фокуснику: играл словами, давал неожиданные сочетания, использовал иронию. В 1936 г. написал сатирическую поэму «Бал в опере», конфискованную цензурой и опубликованную только после войны. В поэме использован контраст в изображении праздной, гуляющей до одури элиты, и бесправной, беспросветной жизни тех, кто кормит, поит, одевает первых. У подъезда к опере – роллс-ройсы, бьюики, прочие иномарки. На сцене, в центре круга, «мечет бликами со сцены быстрых бедер центрифуга», и буквально на каждом шагу

Сыщик сыщику моргает
в гардеробе, в бальной зале,
И под крышей, и в подвале,
и под сценой, и в буфете,
И в проходе, и в клозете,
и в курилке, и в конторе,
В бутафорской, в коридоре,
там, где пляшут и рыгают,
Сыщик сыщику моргает...

Переосмысливая библейские мифы и образы, предчувствуя наступление фашизма и предостерегая, поэт говорит в поэме о безумии мира, трагических последствиях, гибели целых народов.

Ю.Тувим – автор эстрадных песен, либретто оперетт, водевилей. Многие знают его еще и как детского писателя. Тувим с детства коллекционировал слова, и не случайно появились написанные им книги по истории нравов, обычаев, языка Польши, филологические труды «Чары и черти в Польше, хрестоматия черно-книжия», «Четыре века польской фразы» и др.

После войны идет восстановление страны, работает Союз польских писателей, утверждается в качестве ведущего метод социалистического реализма. Дальнейшая история польской литературы будет тесно связана с происходившими в общественно-политической жизни событиями.

Важной вехой становится 1956 г., который называют польским Октябрем. Началось крушение эпохи социалистического реализма, что было связано со смертью Сталина. Изменившаяся политическая ситуация сказалась и на литературе. Стали писать иначе. С упразднением метода социалистического реализма активизировались проза и драматургия, хотя цензура все же существовала. Дебютировало новое поколение писателей, расширились издательские возможности, началась так называемая «оттепель». Допустима стала

критика тоталитаризма. Определилась, как ее называли, польская дорога к социализму. Однако события в Венгрии 1956 г. (восстание было кроваво подавлено) насторожили поляков.

В литературе появились дебютанты, которых назвали «поколение-56». Это прозаики **М.Хласко** (потом эмигрировал, вернуться на родину ему не разрешили), **М.Новаковский**, **В.Терлецкий**, поэты **В.Шимборская**, **С.Гроховяк**, **З.Херберт**. За ними внимательно следили старшие писатели – Ивашкевич, Анджеевский, из эмигрантов – Гомбрович, Парницкий.

Активно развивалось после 1956 г. творчество **Станислава Лема** (1921–2006), врача по образованию, литературный дебют которого состоялся в 1946 г. С.Лем – ведущий автор национальной научно-фантастической литературы, прозаик, драматург, критик, оригинальный философ. Один за другим появлялись его романы «Астронавты» (об экспедиции на Венеру), «Магелланово облако» (увлекательное произведение о будущем коммунистическом обществе), сборники рассказов «Сезам», «Вторжение с Альдебарана». В сфере интересов С.Лема оказывается и кибернетика. В начале 50-х гг. Лем-писатель побеждает Лема-ученого. В 60-е гг. создаются «Сказки роботов», «Рассказы о пилоте Пирксе», «Возвращение со звезд», «Сумма технологий», «Солярис» (вершинное, неоднократно экранизированное произведение о контакте с иным Разумом), «Голос Неба» (размышление о современной цивилизации, границах научного познания). Кроме этого были опубликованы «Мир на Земле» (1988) – о перспективах разрабатываемых на Луне новых систем оружия, «Человек с Марса» (1997), второй том «Фантастики и футурологии» (2004). К концу XX в. были переведены на русский язык и изданы все художественные произведения писателя. Осуществлены также переводы и на белорусский язык. Книги С.Лема

переведены на 25 языков мира, а их общий тираж приближается к 10 млн экземпляров. Сегодня большой популярностью пользуются аудиокниги по его произведениям. Используя научно-фантастический прием, С.Лем ставит серьезные философские и нравственные проблемы. Герой Лема находится в неизвестных для него условиях, поставлен перед моральным выбором, к которому он и подготовлен и не подготовлен, вследствие чего вынужден рисковать жизнью. Но он такой же человек, как и мы. И все проблемы, требующие решения на других планетах, та ответственность, которую он возлагает на себя, – все оказывается по плечу человеку, ибо нет пределов человеческим возможностям и способностям. Рассказ об этом делает его книги всегда интересными. Кроме названных произведений, Лем написал роман-антиутопию «Эдем», детективный роман «Следствие», автобиографический роман «Высокий замок», эссе по проблемам науки о литературе «Философия случая» и многое другое. У него не все бесспорно, книги по-разному можно читать и трактовать, но именно это и интересно.

Во второй половине 60-х гг. в литературу приходит поколение писателей «новой волны», или «поколение-68», ярчайшими представителями которого были поэты **Е.Липская, С.Бараньчак, А.Загаевский, Р.Крыницкий** – современные, оппозиционные существующей власти писатели, остро реагирующие на происходящее в стране. Для их поэзии характерны критическое отношение к действительности, языковые эксперименты, ломка политических стереотипов, отказ от шаблонов. Сегодня Адам Загаевский (р. 1945), например, один из наиболее известных в мире польских поэтов, лауреат многочисленных литературных премий и других наград. В свое время публиковался в самиздате, жил во Франции, в 2002 г. вернулся на родину. Рышард Крыницкий (р. 1943) на протяжении последних двадцати лет вме-

сте с женой издает современную польскую поэзию, в частности, недавно увидевший свет фолиант «Собрание стихотворений» Збигнева Херберта. Прозу «новой волны» представляли **Т.Конвицкий**, **М.Новаковский**, **С.Киселевский** и др. Многих официальные государственные издательства не печатали, возможность публикации предоставляли независимые издательства. Например, плодовитый писатель **Марек Новаковский** (р. 1935) публиковался за границей, его наказывали власти, но он оставался верен избранному пути. В 60-е гг. его называли певцом социального «дна», в 80-е – тенденциозным компроментатором прислужников тоталитарной системы, в 90-е – радикальным критиком современной Польши с ее бессильными законами, социальным беспорядком, капитализацией. Об этом произведения «Этот старый вор», «Червяки». Работа «Мой словарь ПНР» (2002) представляет собой каталог абсурда и подлости периода социалистической Польши. Но есть у Новаковского и лирические произведения, например, очаровательный цикл «Отблески».

Перу **Тадеуша Конвицкого** (р. 1926) принадлежат произведения «Ничто или ничто», «Общественный сонник», «Чтиво», «Хроника любовных происшествий», «Малый апокалипсис», «Польский комплекс», в которых речь идет о деградации человека в условиях тоталитаризма. Прозаик часто использует мотивы сна, видений, абсурда. В его творчестве сильны литовские мотивы.

60-е гг. XX в. в польской литературе связаны с развитием деревенской прозы. Пример – произведения **Юлиана Кавальца**, мастера философского осмысления судеб, психологии крестьянина («Танцующий ястреб», «Ищу дом»). О деревне писал **Веслав Мысливский** («Голый сад», «Замок», «Камень на камень»). С начала 60-х гг. изменилась в плане изобра-

жения человеческих характеров и проза о Второй мировой войне (произведения Т.Голуя, Е.Анджеевского и др.).

Ежи Анджеёвский (1909–1983), начавший литературный путь в 1932 г., по праву считается классиком польской литературы. Он очень любил поэзию, но никогда не позиционировал себя как поэт, хотя названия многих его произведений связаны с поэзией, например, название реалистического романа «Пепел и алмаз» (А.Вайда снял по этому произведению фильм). Анджеевский выступал как прозаик, драматург, кинодраматург. Дружил с Я.Ивашкевичем, Ч.Милошем, любил прозу Л.Толстого (толстовское «не могу молчать» было и его кредо). Издал сборник рассказов «Ночь», тематически связанный с оккупацией Польши (в нем есть рассказ об Освенциме). Свойственное писателю неприятие национальной розни нашло отражение в «Страстной неделе», где речь идет об уничтожении евреев. Роман «Врата рая» повествует о молодых людях, «Золотой лис» – о подростках, их внутреннем мире. Роман «Тьма покрывает землю», как и «Врата рая», – произведение иносказательного характера. Так, в первом автор рассказывает об испанской инквизиции, ставшей метафорой мира современного. Когда в 1968 г. войска стран Варшавского договора вступили в Чехословакию, он не молчал. В результате роман «Мезга» («Месиво»), написанный в 70-е гг., по цензурным соображениям не был напечатан, его опубликовали только в 1981 г. Это роман о написании романа, о невозможности его создания, о хаосе как кризисе тоталитарной системы коммунизма. Е.Анджеевский описал все блестяще, но диагноз тоталитарной системе в Польше так и не поставил, выводов не сделал. Уже после смерти писателя вышла еще одна его книга.

На 60–70-е гг. припадает расцвет поэзии **Виславы Шимборской**. Она родилась в 1923 г., училась в Ягеллонском университете. Изучала филологию и социоло-

гию. Первые два сборника реалистических стихов о войне, родине появились в начале 50-х гг. Третий сборник вышел во времена «польской оттепели» («Призывы к йети»), в нем пессимистичные, антиутопичные взгляды на жизнь уравновешены шуткой, игрой, надеждой. В дальнейшем преобладающими становятся философские мотивы, лиричность личных переживаний смещается в сторону человека вообще, стих приобретает характер то эссе, то проповеди. Литературные критики говорят о Шимборской как об интеллектуальном, философском поэте. После издания четвертой книжки стихов «Соль» о ней заговорила вся Польша. Потом будут «Для этого живем», «Избранные стихи», «В реке Гераклита», «Реабилитация», «Конец и начало». В центре поэзии Шимборской – человек, его отношения с изменяющимся миром. Поэт описывает судьбу, роль человека в истории, передает драматизм человеческой жизни; ее творчество философично.

Во второй половине XX в. популярность приобретает прозаик **Ежи Ставинский** (1921–2010), молодость которого пришлась на военное время. В зрелые годы он будет выполнять функции главы секции киносценаристов, редактора издательства, директора киностудии. Произведения Ставинского посвящены, в основном, темам Второй мировой войны, оккупации. В конце 60-х гг. бестселлером становится повесть «Час пик», рассказывающая о жизни современного горожанина. Работа, карьера, семья, любовница – все вмиг приобретает иной смысл после услышанного главным героем страшного диагноза. Готовясь умереть, он подводит черту под своей жизнью. Но смерть отменяется, впереди долгая жизнь. И главное теперь, как говорится в повести, – «дорого доставшийся...опыт не должен пропасть даром», а пока герой

торжественно ставит себе «по всем предметам заслуженную двойку».

В 1968 г. после событий в Чехословакии⁸ в Польше начались забастовки, потом аресты. Более 10 тысяч представителей польской интеллигенции выехало из страны. Среди тех, кто тогда уезжал начинающими литераторами, сегодня известные писатели (например, С.Бараньчак (р. 1946), живущий в Америке). После 70-х гг. начинает развиваться подпольная литература. Характерной особенностью литературной Польши этого времени было наличие самиздата.

В 1981 г. в политической жизни Польши произошел поворот. Появилось общество «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. В 1989 г. «Солидарность» пришла к власти, Валенса стал президентом Польши. В мае 1989 г. был образован независимый Союз польских писателей, председателем которого стал Юзеф Шчепаньский. С 1996 г. Валенса уже не президент. Сейчас в Польше правит сейм во главе с президентом.

Литература 80–90-х гг. XX в. представлена поэзией 40-летних – Б.Май, А.Павлак, С.Бараньчак («Атлантида», «Послание с того света»), А.Загаевский («Поездка во Львов», «Письмо», «Песенка эмигранта»). Тематика их произведений – осмысление проблем бытия, поиски правды и истины, желания, которые не осуществимы, тема эмиграции, мотив тоски и уединения, беспомощности перед обстоятельствами.

С огромным интересом был принят условно поздний дебют Е.Рыльского, опубликовавшего два расска-

⁸В ночь на 21.08.1968 г. в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского договора. Операция, получившая кодовое название «Дунай», преследовала цель прекратить происходивший в ЧССР процесс политических и экономических реформ, инициированных первым секретарем ЦК КП Чехословакии А.Дубчеком – «Пражскую весну», когда Чехословакия начала демонстрировать все большую независимость от СССР.

за – «Станкевич», «Возвращение», что-то вроде исторической прозы времен революционной России и гражданской войны с философским подтекстом; вышел том прозы «Только холод». Жанр исторического романа обновляет в своем творчестве **Теодор Парницкий** (роман «Серебряные орлы»). Выделяется проза **Тадеуша Конвицкого**, рисующего гротескные, символические образы современной Польши («Восходы и заходы луны», воспоминания, книга «Вечерние зори»); **Анджея Шчыпёрского** (повесть «Начало» принесла ему мировую известность); **Юлиана Стрыйковского** (повесть «Эхо», роман «Австерия»).

В 1986 г. в Польше впервые печатается собрание сочинений **Витольда Гомбровича** (1904–1969) – парадоксального, эпатажного прозаика и драматурга со сложной судьбой. В конце 60-х гг. XX в. он был признан в Европе, переведен на многие языки мира, но практически неизвестен у себя на родине. А началось все с 1934 г., когда, оставив юриспруденцию и издав книгу полуфантастических психологических рассказов «Записки подросткового периода», он полностью посвятил себя литературе. За неделю до начала Второй мировой войны выехал из Польши, прибыл в Буэнос-Айрес, остался, что дало повод части современников обвинить его в отсутствии патриотизма и в трусости. Только в 1953 г. во Франции выходят из печати драма «Обет» и повесть «Транс-Атлантик» (о скептическом отношении к отечественной культурной традиции), а в 1967 г. роман «Космос» (о взаимосвязи между ходом событий и их глубинным смыслом). Переведены на русский язык его романы «Фердидурка», «Порнография». В.Гомбрович автор трехтомного «Дневника» – самого откровенного автопортрета в польской литературе. Писатель считается представителем театра абсурда (пьесы «Брак», «Оперетка», «Венчание», «Ивон-

на, принцесса Бургундская»), сочетает авангардизм и морализаторство. У его произведений масса прочтений, ассоциаций. Так, в центре «Фердидурки» (варианты перевода названия: дураковаление, измыывание над ..., натягивание на кого-либо нелепейшую морду) история творческой личности, развитие темы «зрелость – незрелость», от детства до зрелости. Под внешне абсурдным сюжетом скрыта философия человеческих отношений. Одновременно это сатира, подчас и пародия, на образование и школу, литературоведов и критиков. Это новый тип повествования – смесь романа семейного, автобиографического, сатирического, реалистического и модернистского – универсального, его прочитывают по-разному. Пересказать содержание сложно, можно, но не это является главным и необходимым. Главное – свобода личности, человек – движущая сила мироздания, стремящаяся разрушить схемы и стереотипы, и одновременно создающая все эти схемы и стереотипы, иными словами, у писателя особая, гомбровичская, концепция личности. Были попытки объяснить метод Гомбровича связью с Хайдеггером или Сартром, т.к. многие их идеи совпадают. Однако произведения, например, Ж.-П.Сартра появились позднее высказанного польским писателем.

Литературным достоянием второй половины XX в. являются лучшие образцы художественно-документальной прозы в лице ее создателей **К.Брандыса, Т.Брезы, А.Кусьневича, Я.Парандовского**. Например, Парандовский написал романизированные биографии О.Уайльда («Король жизни»), Ф.Петрарки («Петрарка»), повесть «Возвращение к жизни», в популярной для молодежи форме пересказал «Илиаду» и «Одиссею» Гомера.

Говоря о современной польской литературе, нельзя забывать и о С.Леме – мэтре как в научной фантастике, так и в жанре философской притчи.

Мастером иронического детектива признана **Иоанна Хмелевская** (р. 1932), автор более пятидесяти книг, общий тираж которых доходит до 10 млн экземпляров. Среди самых известных «Что сказал покойник», «Лекарство от любви» и др. Она пишет одновременно по три детектива. Об экранизации своих произведений говорит, что они не имеют никакого отношения к ее творчеству. Список женских имен писателей в современной польской литературе пополнила прозаик, лауреат премий Польского общества книгоиздателей, премии «Нике» **Ольга Токарчук** (р. 1964). Автор романов «Путь людей Книги», «Правек и другие времена», «Дом дневной, дом ночной», «Последние истории», «Бегуны», сборника рассказов «Игра на разных барабанах» и др. Одна из ведущих польских газет утверждает, что О.Токарчук удалось почти невозможное – ее произведения высоко оценили не только читатели, но и литературные критики, а восторженные рецензии на книги можно встретить в самых известных мировых изданиях. Ее произведения переведены на десятки языков, в том числе и на белорусский язык. Некоторые из произведений О.Токарчук экранизированы. На полки книжных магазинов вернулись писатели, ранее забытые, например **Сергей Пясецкий**. Его роман «Любовник Большой Медведицы» оказался лидером в жанре польской приключенческой прозы XX в.

Литературу фэнтези представляет **Анджей Сапковский** (р. 1948), один из пяти самых издаваемых в Польше писателей. Самое знаменитое произведение – новеллу «Ведьмак» – написал в 1986 г. Из нее потом получилась семитомная сага, наполненная элементами и героями славянского фольклора (Старичок-лесовичок, кикимора, Дева Мора, Живия – богиня живой природы у славян). Произведения отличает реалистичность, красочность и подробность описания, иногда излишне эротичные и шокирующие открове-

ния и язык. В конце 1990-х гг. им написаны «Кровь эльфов», «Крещение огнем», «Владычица озера» и др. А.Сапковскому принадлежит авторство критических статей о фэнтези («Пособие для начинающих писателей фэнтези», «Меч, магия, экран» и др.), создание сюжета очень популярной в Польше книги-игры «Око Иррдеса». За заслуги перед польской культурой писатель в 1998 г. был удостоен престижной премии «Passport».

Литература конца XX – начала XXI в. представлена прозой молодых писателей, довольно жестко критикующих современную цивилизацию и ее представителей: банковских служащих, шоу-бизнес, рекламщиков, бизнесменов и т.п. Вводя действительность в состояние фантасмагории, соединяя реалистическое с мистикой, экспериментируя с языком, они создают ощущение тупиковости жизни. В качестве приемов используются монолог, коллаж, аллегория, а языковые новации, сленг и вульгаризмы воспринимаются адекватно и естественно как признак современности.

Заставила о себе заговорить молодая писательница (роман написала в 19 лет) **Дорота Масловская**, разделившая критиков и читателей на два лагеря: принимающих и обличающих написанное ею. Она автор романов, ставших коммерческими бестселлерами: «Польско-русская война под бело-красным флагом», «Павлин королевы» (за это произведение ей присуждена премия «Нике», которую называют «польской Нобелевкой»). В произведениях автор использует фантастические языковые конструкции как инструмент создания текста, что позволяет критикам называть их то хип-хопом, то рэпом. Но в пьесе «Двое бедных румын, говорящих по-польски» (2006) Д.Масловской, по ее признанию, «язык... пришлось сильно обуздать, свести к реальности» («Иностранная литература», 2008, № 7, с. 133). Предмет исследования автора – жизнь

Польши, ее представителей, их пороков. Жесткость манеры писательницы дает ей возможность открыто говорить о современном мире, его фальшивых ценностях. Кроме Д.Масловской можно назвать таких писателей, как С.Смута («Отходняк»), М.Дзидо («Устрица»), М.Кохан («Баллада о добром качке»). Писательским талантом обладают Магдалена Тулли – мастер удивительных рассказов, Збигнев Крушинский, которого сравнивают по силе языкового чутья с В.Набоковым.

Европейским бестселлером стало произведение **Януша Вишневского** (р. 1954) «Одиночество в Сети» (2001), герои которого – душевно одинокие люди – не могут быть вместе. Они общаются, встречаясь на интернет-чатах, откровенно делятся своими жизненными историями, перипетиями, эротическими фантазиями. Начало книги и одновременно ее лейтмотив – «Из всего, что вечно, самый краткий срок у любви» – заставляет задуматься. Три года книга была бестселлером, по ней в 2006 г. снят кинофильм, одну из ролей в котором сыграл сам автор. Первым из польских писателей Я.Вишневский опубликовал свой e-mail, объясняя это тем, что герои книги пользовались Интернетом, после чего получил около 50 тыс. писем от читателей из разных стран. Придя в литературу из науки, которой Вишневский серьезно занимался (имеет степень доктора информатики и доктора химических наук), он опубликовал такие произведения, как «Повторение судьбы», «Зачем нужны мужчины?», в 2008 – 2010 гг. выпустил в свет «Молекулы эмоций», «Интимную теорию относительности», «Аритмию чувств» и др.

В последние годы польские издатели засыпали читателей новыми именами, литературными новинками, не все из которых представляют художественную ценность. Но выбор огромен.

Поэзию XX в. невозможно представить без лауреата Нобелевской премии 1980 г. **Чеслава Милоша** (1911–2004). Сам себя он определил так: «польский писатель литовского происхождения». Учился в Вильно, Париже. Дебютировал в 1931 г. в университетском журнале. Кроме стихов писал прозу философского, мемуарного, историко-литературного, исторического содержания. Писатель использовал как традиционные, так и экспериментальные и даже авангардные приемы. Первая книга стихов «Поэма о застывшем времени» и вторая, «Три зимы», были опубликованы в 30-е гг. XX в. Во время Второй мировой войны вместе с Е.Анджеевским организует андеграундную литературную жизнь Варшавы: книги, журналы, конкурсы. (Совместными усилиями Ч.Милош, Е.Анджеевский и поэт Е.Загурский издадут антологию «Непокоренная песнь. Польская поэзия военного времени».) Ч.Милош интенсивно работает: пишет книгу стихов «Спасение», эссе о литературе, ведет переписку с Анджеевским, опубликованную в 1996 г., изучает английский, переводит Элиота и Шекспира. С 1945 г. находится на дипломатической службе (США, Франция). В 1951 г. писатель решил не возвращаться в коммунистическую Польшу и с 1961 г. жил в США, преподавал славянские языки и литературу в университете г. Беркли (Калифорния). Его книги начинают издавать на родине с 1986 г. К польскому читателю Ч.Милош вернулся в ореоле Нобелевского лауреата, пророка и культового писателя. Самые известные работы – сборники «Дети Европы», «Моральный трактат», «Хроники», «На берегу реки», «Год охотника», «Другой простор», поэма «Нравственный трактат», книга прозы «Порабощенный разум», «История польской литературы» на английском языке.

Польская поэзия второй половины XX ст. это и **Тадеуш Ружевич** (р. 1921) – автор тридцати поэтиче-

ских и двадцати прозаических и драматургических сборников (к примеру, стихотворные сборники «Избранное», «Стихотворения и поэмы», сборник рассказов «Грех» и др.). Его называют поэтом-турпистом, выступающим против всяческих штампов (сборники стихов и рассказов «Зеленая роза», «Третье лицо», «Смерть в старых декорациях», «Рециклинг»). Целый мир художественной фантазии демонстрирует творчество поэта **Станислава Грохóвьяка** (1934–1976), автора сборников «Канон», «Охота на тетеревов». Соотечественники прочли посмертный том поэзии **Мечислава Я́струна** (1903–1983).

Особое место в современной польской поэзии занимает лауреат Нобелевской премии 1996 г. **В.Шимбóрская**. Всего издано шестнадцать сборников ее стихов, среди которых «Большие числа», «Люди на мосту», «Минута», «Двоеточие», «Избранное», «Литературная почта, или как стать/не стать писателем» (2009). По словам С.Бараньчака, собрата по перу и литературоведа, В.Шимборская «противостоит меняющимся модам и остается собой, а, тем не менее, то и дело опережает антропологов, психологов, социологов, историков, политологов и других поэтов в умении ухватить суть того, что беспокоит нас и болит в современном мире и в нашей человеческой природе...».

Поэзия сегодняшней Польши – эксперименты со словом. Появилось целое поколение поэтов, пишущих об антиурбанизации, создающих авторскую песню.

В области драматургии второй половины XX в. выделим имена **С.Мрожека** («Танго», «Счастливый случай», «Эмигранты»), **Т.Ружеви́ча** («Картотека»), **Я.Парандовского** (драма «Медея»).

Славомир Мро́жек (р.1930) учился на архитектурном факультете Краковского политехнического института и посещал Академию художеств. Начал с работы в газете. Первой своей серьезной работой считает

сборник коротких рассказов «Слон» 1957 г., многие выражения из которого стали крылатыми. Потом будут сборники «Свадьба в Атомицах», «Прогрессист», «Дождь», отличающиеся традициями польского юмора. Кроме того, он автор карикатур («Польша в картинках»); позже, в 1982 г., вышла книга «Рисунки». Графика и слово у Мрожека связаны: рисунок снабжается диалогом или короткой подписью, так что друг без друга они существовать не могут, а иногда они вообще напоминают комиксы. Мрожек – свободный художник, рисовал то, что видел: табличку с надписью «Светлое будущее» и удирающего человечка оттуда, куда табличка указывает. Но он не только «политический художник». Его рисунки о сложной борьбе добра и зла, проблемах с детьми, ловушках любви, животных. С 1963 г. жил в Италии, в 1968 г. переехал в Париж. Остро критиковал события 1968 г. и не вернулся на родину, где его просто запретили. В 1973 г. издал книгу «Два письма». Добровольное изгнание закончилось возвращением на родину с приходом к власти политического объединения «Солидарность». Критикуя новую власть после разгрома «Солидарности», вновь оказался под запретом, уехал. С 1987 г. жил в Мексике, написал «Мою автобиографию», а после принятия решения вернуться на родину начал вести «Дневник возвращения». С 1998 г. он живет в Польше. Прославился как драматург театра абсурда: пьесы «Полиция», «Стриптиз», «Танго», «Эмигранты», «Контракт», «Портрет», «Любовь в Крыму». Способом театрального гротеска, парадокса жизненные ситуации в пьесах предельно обостряются, укрупняются, нагнетаются драматургом, и все становится абсурдно и не нравоучительно. Пьесы многократно ставились в театрах, экранизированы, например, «Эмигрантов» экранизировали три раза, «Танго» – четыре. Он автор книг «Короткие письма», «Доносы», «Рас-

сказы» и др. В Польше на драматургии С.Мрожека выросло не одно поколение зрителей, в печати появилось почти все, им написанное. Ставили и смотрели с интересом его пьесы и в русских, и в белорусских театрах. В 2002 г. писатель присутствовал в качестве почетного гостя, корифея театра абсурда на театральном фестивале в Санкт-Петербурге. В конце XX – начале XXI в. на русском языке вышли сборники рассказов «Хочу быть лошадыю», «Театр парадокса», «Удивительные истории из разных книг и журналов. 1953–1993», «Тестариум. Избранные пьесы и проза», «Дневник возвращения. Рассказы».

История польской литературы была бы неполной без блестящего мастера афоризмов, поэта **Станислава Ежи Леца** (1909–1966). Ему принадлежат знаменитые афоризмы «Вначале было Слово – потом появилась Фраза», «Иногда надо замолчать, чтобы тебя услышали», «Чтобы добраться до источника, надо плыть против течения» и др. Книга «Почти все» – наиболее полное собрание сочинений С.Леца. В нее вошли и знаменитые «Непричесанные мысли», и не столь известные «Непричесанные мысли из записных книжек и салфеток», и так называемые «Фрашки» – комические двустушия, и подборка стихов из разных сборников.

Литература

1. *Адельгейм, И.* Польская проза межвоенного двадцатилетия: между Западом и Россией. Феномен психологического языка / И.Адельгейм. – М., 2000.
2. *Астафьева, Н.* Польские поэтессы / Н.Астафьева. – М., 2002.
3. *Баршчэўскі, Л.* Беларуская літаратура і свет / Л.Баршчэўскі, П.Васючэнка, М.Тычына. – Мінск, 2006.
4. *Вервес, Г.Д.* Ярослав Ивашкевич: лит.-крит. очерк / Г.Д.Вервес. – М., 1985.

5. Горский, И.К. Исторический роман Сенкевича / И.К.Горский. – М., 1986.

6. История польской литературы: в 2 т. – М., 1968. – 1969.

7. Польская новелла XIX–XX вв. – Л., 1988.

8. Польские поэты XX века: в 2 т. – СПб., 2000.

9. Польская романтическая поэма XIX в. – М., 1982.

10. Польские фразы. – М., 1984.

11. Русское звучание польской лиры XX века. Польские поэты XX века: антология: в 2 т. – СПб., 2000.

12. Творческий портрет Ч.Милоша // Крыніца. – 1997. – № 7. – С. 63–95.

13. Творческий портрет С.Мрожека // Иностранная литература. – 2001. – № 7. – С. 159–239.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУИМ

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сербы относятся к южной группе славян. Однако в XIX в. их называли западными славянами. Например, у А.Пушкина есть произведение «Песни западных славян», в котором речь идет о сербском эпосе. Сербское национальное движение было горячо поддержано русским народом. В русской армии служил Милорадович – генерал, герой Отечественной войны 1812 г. Севастополь строил серб Войнович. В XIX в. южные славяне воспринимались в России как кровные родичи, друзья-единоверцы, политические и военные союзники. В восстании одного из балканских народов принимал участие русский писатель-народоволец С.Степняк-Кравчинский. Имея военную специальность, он командовал единственной пушкой, бывшей на вооружении повстанцев. Интерес к сербам долго не угасал. Произведения сербской литературы переводили Майков, Щербина, потом поэты некрасовского направления Михайлов, Минаев, Трефолев, в XX в. – Ахматова, Исаковский, Кирсанов, Тушнова, Друнина, Куняев, Рождественский.

Сербская литература – одна из национальных литератур бывшей Югославии. Истоки сербской литературы восходят ко времени деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия (вторая половина IX в.). Древняя и средневековая литература – это литература, развивающаяся на сербскохорватском языке и имевшая преимущественно церковно-дидактический характер (жития, летописи, «похвалы», песни). Один из первых памятников сербской письменности – «Мирославово Евангелие» XII в. В конце XV – начале XVI в.

зародилось сербское книгопечатание. Однако длительное время развитие литературы сдерживало османское иго, писатели-монахи искали прибежища в России, поэтому наиболее полно жизнь сербского народа отразилась в фольклоре, особенно в поэзии. На развитие сербской литературы, в частности драматургии, оказала влияние народная баллада «Хасанагиница», снискавшая мировую известность. Она переведена более чем на 30 языков мира, в числе переводчиков оказались И.В.Гете, Вальтер Скотт, Ш.Нодье, А.Ламартин, А.Пушкин, А.Ахматова и др. Сюжет баллады не однажды использовали сербские деятели искусств, в частности драматурги, поэты, режиссеры. В России о ней узнали в конце XVIII в.

Культурное возрождение сербов связывают с XVIII в. и именем просветителя Доситея Обрадовича, заложившего основы светской литературы. Духовный подъем усиливается в первой половине XIX в. Выдающуюся роль в национальном возрождении сыграл **Вук Караджич** – филолог, историк, фольклорист, осуществивший реформу сербского литературного языка, составивший грамматику и словарь на основе народной речи, способствовавший формированию новой сербской литературы.

В 40–60-е гг. XIX в. происходит расцвет романтизма. Наиболее видный писатель-романтик – **Бранко Радичевич**, кумир многих поколений сербской молодежи, выразивший в поэзии идеи сербского национального возрождения. Сербский романтизм тяготел к героическому, национально-патриотическому, что ярко проявилось в творчестве П.Негоша (поэма «Горный венец»), Л.Костича (трагедии на сюжеты из национальной истории). Уже у романтиков стали проявляться реалистические тенденции, а с 60-х гг. поворот к реализму оказался очевиден. У реалистов, например, **Милована Глишича** – знатока и бытописателя серб-

ской деревни, переводчика, в частности «Войны и мира» Л.Толстого, – преобладала проза и жанр романа. В литературе нарастал социальный критицизм, углублялся психологический анализ. В конце XIX – начале XX в. получает развитие сербский модернизм (произведения **Йована Дучича, Милована Ракича**).

После Первой мировой войны в сербской литературе заявляют о себе писатели так называемого «потерянного поколения» (М.Црнянский, Д.Васич и др.). В 1918 г. было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия). Появились так называемая «социальная литература», опирающаяся на революционную идеологию (например роман Б.Чосича «Скошенное поле»), сюрреализм (произведения А.Вучо), в 20-е гг. XX в. возник экспрессионизм (М.Црнянский).

Во время Второй мировой войны многие сербские писатели участвовали в борьбе против захватчиков и продолжали литературную деятельность (Б.Чопич, М.Лалич и др.). После освобождения, в 1945 г. было организовано Общество сербских писателей, объединившее писателей-антифашистов, а в 1946 г. состоялся I съезд писателей. Но уже в середине 50-х гг. в сербской литературе происходит размежевание между писателями-реалистами и писателями – представителями модернистских течений. Появляются и новые течения, например, в поэзии так называемый «абстрактный интеллектуализм» (произведения М.Павловича, И.Христича). Отмечаются попытки синтезировать реализм и модернизм («Солнце далеко», «Разделы» Д.Чосича, «Переселение» М.Црнянского и др.).

Известнейшие и популярные писатели XX ст. – прозаики **М.Лалич, Б.Чосич, И.Андрич, М.Павич**, поэт гуманистического и общественного звучания **Д.Максимович**, драматурги **М.Джурджевич, Дж.Лебович, Б.Михайлович**.

Михаиле Лалич (р. 1914) – писатель-реалист, интересовавшийся морально-этическими и психологическими проблемами. В 1941 г. стал участником движения Сопротивления, был схвачен гестапо и приговорен к смертной казни, однако бежал из концлагеря и присоединился к греческим партизанам. Серьезно и профессионально занялся писательством в послевоенные годы и получил признание за цикл романов о борьбе против фашизма («Свадьба», «Злая весна», «Лелейская гора», «Облава»). В 60–80-е гг. являлся членом Сербской академии наук и искусств, автором сборников новелл «Гости», «Пустынная земля», романов «Узники», «Когда гора оденется зеленью» и др.

Особое место в сербской поэзии заняла **Десанка Максимович** (1898–1992). Ее детство прошло в провинции. Близость к жизни народа, его языку навсегда вошли в сознание, став источником поэтического вдохновения. Училась в Белградском университете, Сорбонне, защитила магистерскую диссертацию о Жанне д'Арк, учительствовала в гимназии. Поэтический успех пришел в 1924 г. (время выхода первого сборника под названием «Стихи»). Писала в основном верлибром с нерегулярной рифмой. Ее произведения отличали реалистичность изображения, интерес к людским судьбам, восхищение народным характером (сборники «Новые стихотворения», «Поэт и отчизна»). Особое внимание в творчестве уделено теме войны. Стихи периода Второй мировой войны передают пафос борьбы народа против фашизма, например стихотворение «И триста – много»:

В этом углу земли норвежской
Некогда был немецкий лагерь,
Жили в нем триста югославов,
Все до единого были убиты,
Значит, их было очень много.

Вспыхнули воды вечерним багрянцем,
Словно в них упали осенние листья.
Все до единого были убиты,
Стало быть, много, хоть и триста.

Где здесь ни ступишь – снова и снова
Каждый комочек земли кровавый,
В каждом пригорке костей обломки.
Здесь их погибло только триста,
Что для нас значит очень много.

Мало здесь значит слеза пролитая,
Слово любое здесь значит мало.
Мертвые немцы, и я умолкаю.
Только триста здесь их пало,
Это для них бесконечно много.

Это перевод. В оригинале рефреном идет сильный поэтический образ, ради которого, собственно, и написано стихотворение:

Даже если бы птиц было столько побито,
Это было бы очень много.
Даже если волков было столько убито,
Это значило бы «много».
Даже если бы они были изменниками,
Триста мертвых – огромное число.
Даже если бы они были трусами,
Это были бы бесчисленные жертвы.

В переводе он пропал, зато появились «югославы» и «все до единого». В оригинале национальность не указана, как и общее число заключенных. Переводчик почему-то решил, что об убитых норвежцах или русских сербская поэтесса так бы не горевала...

Строки из стихотворения Д.Максимович «Кровавая сказка», написанного в годы войны, высечены на мемориальном памятнике жертвам фашизма в Крагуеваце. В послевоенное время появились сборники стихов

«Запах земли», «Пленник снов», «Говори тихо», книга «Требую помилования: Спор поэта с Законником царя Душана» (в ней идет диалог поэта с древним сводом законов средневекового деспота. Переключка веков видится диалогом двух моралей: деспотизма и гуманизма). Д.Максимович является автором романов «Открытое окно», «Мятежный класс», «Не забыть», «Прадевочка», нескольких сборников рассказов. Ей принадлежит авторство более 30 книг в стихах и прозе для детей.

Самыми плодотворными для Максимович были 70–80-е гг. XX в. (сборники «Нет больше времени», «Ничья страна», «Рубежи памяти»). Традиционными для произведений являются темы войны и мира, добра и зла, свободы и насилия, преступления и наказания. В год 85-летия писателя вышел сборник стихов «Слово о любви», в котором она, художник-романтик, с особой остротой ощущает таинственность мира и неисчерпаемость жизни. В 1987 г. увидели свет еще два сборника стихов – «Бабье лето» и «Фестиваль снов» (последний составлен из сонетов). В стихах звучат мотивы стоицизма, их лирический герой – внутренне богатая личность, осознавшая неотвратимость и близость конца. Сонеты прочитываются как дневник воспоминаний о долгой жизни, обращающейся однажды летописью потерь. И о чем бы ни писала Максимович, она предельно искренна и лирична.

Известнейшим сербским прозаиком, политиком с мировым именем (15-й Генеральный секретарь Движения неприсоединения), теоретиком сербского национального движения – возрождения Сербии в конце 1980-х гг. считается **Добрица Чосич** (р. 1921). В 90-е годы XX в. он был первым президентом Союзной Республики Югославии. Во время Второй мировой войны присоединился к партизанам, после войны активно участвовал в пропаганде коммунистических

идеалов, сотрудничал с И.Б.Тито (коммунистическим лидером и руководителем Югославии). Как писатель прославился в 50–70-е гг. романами «Солнце далеко», «Корни», «Время смерти» и публицистическими работами.

Балканским Гомером, югославским Толстым называют единственного среди балканских писателей лауреата Нобелевской премии 1961 г. **Иво Андрича** (1892–1975). Он родился в боснийском городе Травнике. Окончив гимназию в Сараево, в 1912 г. поступил на философский факультет Загребского университета. Будучи гимназистом, включился в национально-освободительное движение и стал членом национальной революционной организации «Молодая Босния», выступал сторонником идеи объединения и независимости южных славян. Как член организации был арестован и три года провел в тюрьме и ссылке.

Литературную деятельность начал в Загребе со стихов; издавал с товарищами журнал, с 1919 г. стал жить в Белграде. Первый сборник стихов в прозе «Из моря» вышел в 1918 г., второй, «Волнения», – в 1920. В эти годы в литературе преобладал модернизм. Однако Андрич синтезировал, искал. Стихи писал всю жизнь, но в зрелом возрасте не печатал, их стали публиковать уже после его смерти. Писатель сочетал две стихии – лирическую и эпическую, старался преодолеть их поляризацию. Часто определял свои произведения как «лирические записи». Например, стихотворение в прозе в одной фразе: «На что ни гляну, все песня, но все, что ни трону, – боль». Один из самых значимых мотивов в его творчестве – мотив боли (нет другой реальности, кроме горя и боли). Также часто прочитываются мотивы тишины, таинства, границы, переходности, дороги, реки, моста.

В 1924 г. Андрич защитил докторскую диссертацию. Сделал карьеру дипломата. Работал в Италии,

Ватикане, Румынии, Австрии, Франции, Испании, Швейцарии, Германии. И хотя работа не позволяла много времени уделять литературе, он, оставив поэзию, написал и опубликовал три сборника рассказов. В 1939 г. был назначен послом в Германию. Получив сообщение о неотвратимости нападения на Югославию, спешно возвратился на родину. Отвергнув сотрудничество с оккупантами, запретил переиздание своих книг, отказался от предложенной пенсии и фактически попал под домашний арест. Не имея возможности принимать участие в движении Сопротивления, он, как скажет впоследствии, «спасался трудом»: вел дневники, на основе которых появились очерки и рассказы, написал самые значительные произведения «Мост на Дрине», «Травницкую хронику», «Барышню», составившие трилогию, которая позднее принесет ему мировое признание.

Поэтика трилогии основана на фольклоре с использованием мифологии, условного и фантастического. И. Андрич философски осмысливает мир, исследует специфику балканского менталитета. Рассказывая о родных для него местах, находящихся на пограничье двух культур, поднимает проблемы сосуществования Востока и Запада. Так, события в романе «Мост на Дрине» охватывают период с 1566 по 1914 г. Все определяет и все связывает мост через реку Дрину, простоявший 300 лет. Мост – символ, он отделяет христианство от ислама, славянский мир от Османской империи, Европу от Азии. Он помнит многое: замурованных в него двух младенцев; девушку, не желающую выйти замуж не по любви, прыгнувшую с моста; самых красивых и здоровых мальчиков, насильно увезенных от родителей и отуреченных; играющих детей – вся жизнь была связана с мостом. Но мост взрывают. И это прочитывается как конец целой эпохи и старого мира. Другим важным символом становится река –

течение времени. По композиции роман близок к циклу новелл и к хронике. В нем много легенд и преданий, соединяются историзм и вымысел.

После войны И. Андрич вернулся к активной деятельности: стал депутатом высших органов власти, председателем Союза писателей, председателем общества дружбы с СССР и Францией, членом руководства национальной академии наук. Творчески наполненный период дал читателям собрание рассказов «Новые истории», повесть «Проклятый двор». Было сделано много переводов его произведений на другие языки, в том числе и на белорусский. А в 1961 г., конкурируя с Г. Гринем, Д. Стейнбеком, А. Моравия, писатель получил Нобелевскую премию за, как было записано в решении комитета, «эпическую силу отражения вами судеб вашей страны». В Югославии И. Андрич стал первым деятелем культуры, получившим премию «За труд всей жизни».

Интервью писатель не давал, считая, что «для художника – создавать, а не говорить» (цитата из Гете, которую любил повторять). Библиография написанного Андричем составляет 7000 единиц, издано 30 томов его наследия. Ежегодно на родине выходит одна монография о нем или о его деятельности, присуждается премия по литературе имени Иво Андрича.

Современником ныне живущих является **Милорад Павич** (1929–2009) – сербский поэт, прозаик, автор фундаментального труда «История сербской литературы», переводчик (дважды перевел «Евгения Онегина» на сербский язык, в его переводе вышло восьмитомное собрание сочинений А. Пушкина), академик Сербской академии наук и искусств, член Европейского совета по культуре. М. Павич родился в семье с литературными традициями, идущими от прадеда. Закончил в 1954 г. отделение литературы философского факультета Белградского университета. Говоря о главных

событиях жизни, назвал прежде всего литературу. «Во-вторых, Бог подарил мне две большие Любви. Одну несчастную, а другую счастливую во всех отношениях. Третье – это то, что я не участвовал в войне и не убивал – во время той войны, которая пришлось на начало моей жизни, я был слишком молод, чтобы носить оружие, и я стал для этого слишком стар, когда война вспыхнула под конец моей жизни». Не принадлежал ни к какой политической партии. Его книги переведены на многие языки мира. В рейтинге книжных магазинов он главенствует в так называемой «большой славянской тройке»: кроме М.Павича, это чешский писатель Милан Кундера и польский Чеслав Милош. Критики из разных стран сравнивают его то с Гомером, то с Борхесом, называют «автором первой книги XXI века», хотя это книги лишь по внешнему облику – обложка и страницы, а романы только по форме. М.Павич неординарный писатель (однажды сам себя нарисовал человеком со скрипкой вместо головы), творчество которого нельзя отнести к какому-либо одному направлению, течению или жанру. Он писатель для молодых, любящих игру, головоломки, тайну, интригу, держащую в напряжении до конца, владеющих компьютером. «Своего читателя я должен любить, – писал Милорад Павич, – но у меня это не получается, потому что невозможно любить не родившегося праправнука, даже если вы на него похожи. Но я во всяком случае знаю, что литературу в будущее ведут не писатели, а читатели, ведь в мире всегда гораздо больше талантливых читателей, чем талантливых писателей». В 2004 г. был номинирован на Нобелевскую премию в области литературы.

М.Павич – автор романов «Хазарский словарь», «Пейзаж, нарисованный чаем», «Ящик для письменных принадлежностей», «Звездная мантия» (это антизападно настроенный роман, навеянный горечью

военных для Югославии месяцев 1999 г.), «Стеклянная улитка», повестей и многочисленных сборников рассказов «Русская борзая», «Красный календарь», «Последняя любовь в Константинополе», «Мушка» и др., пьес «Вечность и еще один день», «Кровать для троих», книги «Бумажный театр» и др.

Произведения писателя необычны по форме: «Хазарский словарь» – роман-лексикон, «Последняя любовь в Константинополе» – роман – пособие для гадания на картах таро, «Внутренняя сторона ветра» – роман – водяные часы, «Пейзаж, нарисованный чаем» – роман – кроссворд, «Звездная мантия» – роман – астрологический справочник. «Бумажный театр» написан как роман-антология: в нем тридцать восемь придуманных Павичем писателей из тридцати восьми стран, выдуманные писателем от их лица рассказы, сочиненные им же их биографии и библиография.

Неординарность его книг притягивает читателя. Вот, например, как начинается «Стеклянная улитка»: мадемуазель Хатшепсут – продавщице в магазине дамского белья – приснился кувшин с двумя носиками: вино завязалось узлом и двумя отдельными струйками вылилось одновременно в два бокала. На первой странице другой книги – «Внутренняя сторона ветра» – студентка-химик Геронея Букур, в квартире которой холодильник наполнен любовными романами и косметикой, разбивает о собственный лоб вареное яйцо и съедает его. Сборник «Русская борзая» составлен так, что, как пишет в послесловии М.Павич, «на вопрос, поставленный в одном рассказе, можно найти ответ в другом; если же их прочитать вместе, они составят третий рассказ». В романе «Последняя любовь в Константинополе» каждая из 22 (0–21) глав носит название карты таро и становится отдельным рассказом. Но, сложив из них книгу, можно разложить карты и

узнать свою судьбу в соответствующих главах, прочитав по-новому согласно раскладу. От того, как лягут карты, зависят сюжет и характер развязки. Эксперимент, ставший принципом писателя, интересен, но часто ведет к преобладанию формы над содержанием, текст становится перегруженным, а любителям классической литературы кажется бессмысленным.

Впервые в 1990 г. писатель придумал и применил термин «гиперлитература» («гипертекст»), хотя первое, самое знаменитое произведение писателя «Хазарский словарь», отвечающее определению, увидело свет на шесть лет раньше. Автор считал, что классика устарела, что нужно дать читателю свободу решить, где в произведении начало, а где конец. Это можно назвать интерактивной литературой – литературой, которая уравнивает читателя с писателем. «Книги, – говорится в романе “Пейзаж, нарисованный чаем”, – это ум в картинках».

Для правильного понимания гиперпрозы, ключом к книгам Павича жена писателя, сама писатель, Ясмينا Михайлович называет пособия по компьютерной грамоте, компьютерной видеоигре. Можно, полагает она, «создать программное обеспечение, некоторые ключевые сюжеты преподнести визуально, в виде кинофильма или мультипликации, другие – с помощью звука, все это для расширения творческой активности читателя». Книги снабжаются софтвером (алгоритмом действий), иначе они могут показаться бессмысленными. Поэтому читателю нужно начинать не с чтения собственно книги, а с попытки разобраться: как, зачем и почему Павич пишет то, что пишет. Руководство к действию в романе-кроссворде «Пейзаж, нарисованный чаем» дается в предисловии. Например, «Как читать этот роман по вертикали», «Как читать этот роман по горизонтали». Писатель предлагает многовариантность развития сюжета (действия), что для него

не литературный прием, а идеология творчества. Так, в «Стеклянной улитке» зажигалка в одном из вариантов повествования исполняет заветное желание, в другом – нет. Хотите финал-трагедию, дождитесь, пока герой высечет огонь три раза подряд, как предлагает надпись на футляре. Тогда зажигалка взорвется и унесет жизни тех, кто слишком настойчиво добивается исполнения заветных желаний. Желаете другого конца – не щелкайте три раза зажигалкой.

Ставший бестселлером роман «Хазарский словарь» швейцарский критик А.Клавель сравнил с рестораном, где каждый составляет собственное меню. Мысль понравилась Павичу, и в 1993 г. он пишет пьесу «Вечность и еще один день» в виде меню для театрального ужина, который составляют по своему желанию читатель, зритель или режиссер (существует девять комбинаций произведения). В качестве завязки (закуски) выбирается одна из трех вводных частей пьесы, будут и вино, и ужин с основным блюдом, а развязка (десерт) завершит действие. Как пишет в начале произведения Павич, «естественно, что любая из этих девяти версий включает необходимый для каждого спектакля минимум зрительских впечатлений – завязку, интригу и развязку, иначе говоря, является вполне классической пьесой, к каким мы привыкли. Новое состоит в том, что, просмотрев этот минимум, можно идти дальше. Чем больше вариантов увидит зритель, тем полнее будет его представление об истории любви Петкутина и Калины, ибо все три вводные части связаны между собой, как связаны и три варианта финала драмы «Вечность и еще один день».

В заключение добавим, что зритель имеет полное право выбрать понравившийся ему вариант пьесы, а театр, если угодно, может объединиться с другими театрами в одном спектакле. Существуют и другие возможности, например обмен гастрольями, если раз-

ные версии исполняются в различных городах. Или театр, не выезжая из родного города, может пригласить, например, трех режиссеров, чтобы вечер за вечером предлагать вниманию зрителей новые варианты текста и спектакля. Существует, наконец, возможность провести “фестиваль одной пьесы”, на котором девять театров покажут в исполнении девяти актерских трупп все девять версий текста драмы “Вечность и еще один день”. Антракт, как и полагается на порядочном обеде, должен быть перед десертом».

М.Павич отмечает: «Чтение моих романов можно начинать с конца, их можно читать по диагонали, перескакивая с места на место, но сюжет все равно выстраивается. Книга есть дом для читателя – на некоторое время. У каждого дома – несколько дверей, окон, чердачных отверстий, и из него можно выйти разными способами, как и из моих романов». Так, роман «Ящик для письменных принадлежностей» имеет два завершения – одно в книге, другое в Интернете. В книге указан электронный адрес, и каждый, кто пожелает, может совместить чтение книги с чтением конца романа в сети Интернет. И многим интересно узнать, чем закончится история.

Визитной карточкой М.Павича по праву можно назвать «Хазарский словарь», о котором он пишет: «Роман я смутно представлял себе еще будучи студентом, это было приблизительно в 1953 году, тогда я столкнулся с этой темой, читая о хазарской миссии Кирилла и Мефодия. Идея созрела только в семидесятых годах, когда я решил написать книгу, имеющую структуру словаря. Я начал роман в 1978 году и писал его до 1983 года. Он опубликован в 1984-м».

Ранее использовавшийся только в художественной прозе нелинейный способ чтения писатель применил в словаре словарей о хазарах – лучшем и самом сложном произведении – «Хазарском словаре». «Хазарский

словарь» – это роман-лексикон в 100 тысяч слов. Роман-мистификация, основанный на реальном историческом событии, которое относят к концу VIII – началу IX в. Кирилл и Мефодий посетили хазар, основавших во времена средневековья между двумя морями сильное государство и исповедовавших забытую теперь религию. Хазарскому кагану приснился сон, который он посчитал знаком о необходимости принятия его народом новой религии. Тогда были созваны представители трех главных религий мира – христианства, ислама и иудаизма (понятно, почему в романе 3 части – 3 книги: красная, символизирующая христианство, зеленая – ислам и желтая – иудейство). В центре словаря статьи, посвященные хазарской полемике о выборе религии. Христианская версия утверждает, что хазары приняли христианство, еврейская – иудаизм, исламская – ислам. И словарь, и те, кто его создавал или восстанавливал, были уничтожены. Так, Бранкович придерживался христианской версии и погиб от турецкой сабли; еврей Коэн утверждал иудейскую версию и, увидев человека, которому долго снился, впал в оцепенение; Масуди – защитник исламской версии – увидел во сне столь страшное, что поседел, усы его начали гноиться, а на следующий день он был зарублен турками. Герой последней истории, связанной с XX столетием, собирал сведения о хазарском словаре. На его запросы приходили посылки с предметами, которые, как сообщил компьютер, упоминались в словаре. Но и этого героя в конце концов (на конференции) убивает четырехлетний мальчик. История поисков обрывается. Почему? Из-за чего? Сюжет частично отвечает на эти вопросы.

Уже начало романа интригует читателя. Вместо слов – пустота, белая (чистая) страница: «на этом месте лежит читатель, который никогда не возьмет в руки эту книгу. Здесь он спит вечным сном». Игра с

читателем продолжится. Правда, не все согласятся на игру и дотянутся до последней страницы; не всем окажется понятным замысел и смысл произведения, хотя писатель поясняет. Так, в предисловии указывается на то, что построенное как гипертекст произведение можно читать по статьям, как словарь, или вразброс, выбирая свой вариант – в нем достаточно разработанная система отсылок. Можно читать от конца к началу, по диагонали, учитывая систему отсылок. Но это лишь авторский ход. Читать лучше подряд, статью за статьей, как обычную книгу, чтобы уловить философию текста, идеологическую концепцию. Если же вы последуете за предложением сочинителя, выйдете на 2,5 миллиона способов (версий на компактном диске) прочтения «Хазарского словаря». (Использованы материалы <http://lib.ru/>.)

Роман оказался настолько интересным и необычным, что был творчески переосмыслен людьми из разных стран: написаны скрипичный концерт, камерная симфония, фортепианный дуэт, поставлен балет, подготовлена CD-ROM версия. По мотивам произведений М.Павича создана оратория, есть хореографические постановки и балет, снят художественный фильм («Византийская синева»), поставлен спектакль («Ловцы снов» по произведению «Последняя любовь в Константинополе»), вышла книга комиксов.

Манера письма Павича оказалась привлекательной для десятков подражателей. Но есть и последователи, например, один из наиболее часто читаемых и значимых сербских писателей **Горан Петрович** (р. 1961), который младше М.Павича на поколение. Он выпускник филологического факультета Белградского университета. Сейчас работает библиотекарем в библиотеке в Жиче, рядом с одноименным монастырем. Первая опубликованная книга прозы появилась в 1989 г. («Советы для облегчения жизни»). В 1993 г. читатели

познакомились с романом «Атлас, составленный небом». Потом выйдут сборник рассказов «Остров и окрестные рассказы», роман «Осада церкви Святого Спаса». В 2000 г. за роман «Книга с местом для свидания» Г.Петровичу присудили самую значимую литературную премию журнала «НИН». Он также автор драмы «Паром» (2004) и сборника рассказов «Разлике» (серб., 2006). Сам талантливый повествователь, Г.Петрович перенимает манеру своего литературного учителя и предшественника, при этом сохраняя собственное лицо. В книге «Атлас, составленный небом» Петрович использует правила постмодернизма, в частности, прием интерактивной игры. В романе есть символический образ разумного кривого зеркала, которое утром отражает прошлое, днем – настоящее, а вечером – будущее. Но иногда в зеркале вообще ничего не увидишь. Многие в авторской манере Г.Петровича напоминают книги Милорада Павича.

К современным сербским писателям относится и **Сава Дамянов** (р.1956) – поэт, прозаик, литературный критик, литературовед. Выпускник философского факультета Нови-Садского университета, ученик М.Павича, доктор философии, он преподавал классическую и современную сербскую литературу не только в вузах родной страны, но и за ее пределами. Как ученый исследовал особенности фантастической литературы, постмодернизма и изучал компаративистику. Его многочисленные статьи публиковались в прессе и в редактируемых им журналах. Начиная с 80-х гг. выступил как автор целого ряда книг, среди которых «Новая сербская фантастика» (антология), «Апокрифическая история сербского модерна», «История как Апокриф». Стихи Савы Дамянова переведены на многие языки, включены в антологии современной сербской поэзии и прозы.

Литература

1. *Генис, А.* Вавилонская башня. Искусство настоящего времени / А.Генис. – Tallin, 1996.
2. *Зарубежные славянские литературы. XX век.* – М., 1970.
3. *Драматургия Югославии.* – М., 1982.
4. *Лихачева, Л.П.* Иво Андрич. Библиографический указатель / Л.П.Лихачева. – М., 1974.
5. *Поэзия современной Югославии.* – М., 1981.
6. *Радволина, И.М.* У одного костра. Портреты югославских писателей / И.М.Радволина. – М., 1977.
7. *Руднев, В.* Морфология реальности: исследование по «философии текста» / В.Руднев. – М., 1996.
8. *Яковлева, Н.Б.* Современный роман Югославии / Н.Б.Яковлева. – М., 1980.

ЧЕШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

У истоков первых произведений чешской литературы стояли Кирилл и Мефодий и их ученики (рубеж IX–X вв.). С IX в. связано обращение чехов в христианство. К концу XI в. с усилением влияния римской церкви старославянский язык вытесняется латынью. Наиболее значительный памятник на латинском языке – «Чешская хроника» Козьмы Пражского. В конце XIII в. возникает письменность на чешском языке и начинает развиваться чешская литература. В XIV в. на чешском языке существовала литература, в которой были представлены все традиционные для Средневековья жанры: рыцарские романы, летописи, сказания о святых, сочинения религиозного характера, песни вагантов, правда, большей частью подражательного характера. Одним из первых известных по имени чешских писателей был **Смил Фля́шка**, показавший противоречия между королем и феодальной знатью (соч. «Новый свет» 1378 г.).

Особым этапом в развитии чешской литературы считают первую половину XV в. В это время заявляет о себе гусистское движение как борьба против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья. Название движения связано с именем **Яна Гуса**, ставшего национальным героем. Идеолог чешской Реформации, он хотел демократизировать церковь. Писал на чешском языке проповеди, трактаты, послания; дал толкование Евангелия в «Постилле» (собрание чешских проповедей). Человек прогрессивных взглядов, ученый, служивший сначала деканом, потом ректором Пражского университета, был осужден цер-

ковным собором в Констанце и сожжен как еретик в 1415 г. Гусов век называют золотым веком чешского гуманизма, а литературу этого времени – золотым веком.

В 1468 г. в Чехии началось книгопечатание – явление для литературы, безусловно, положительное. Потом с 1618 по 1918 г. Чехия потеряла независимость и стала частью Австрийской империи. Четыре столетия чехи не имели права говорить на родном языке. Засилье католической реакции в XVII–XVIII вв. сказалось и на литературе: чешские книги уничтожались, многие писатели вынужденно оказались в эмиграции. Среди них **Ян Коменский** – выдающийся чешский мыслитель, чьи педагогические сочинения, написанные по-латыни, послужили основой всей современной педагогики. Вынужденный покинуть родину, скитаться, он мечтал о мире и счастье для людей, был гуманистом, искал в христианстве подкрепления своим идеалам. В мировой литературе Я.Коменский известен как автор более 140 сочинений, в том числе утонченной, образной аллегории «Лабиринт света и рай сердца», трактата «О поэзии чешской», педагогического труда «Дидактика», переводов стихотворных псалмов. Им собраны и сохранены для народа 2 тысячи чешских пословиц и поговорок.

С конца XVIII в. намечается подъем и оживление национальной культуры, зарождается новейший период литературы. В 1825 г. появляется первая книга об истории чешской литературы, первый театр, журналы, музеи, возрождается фольклор. Преобладающими становятся тенденции предромантизма.

В 30-е гг. XIX в. в чешской литературе возникает революционный романтизм, отразивший мятежный порыв к свободе, лирическое начало, философскую проблематику. Ярчайшим представителем романтизма является **Карел Маха**, которого называют чешским

Богдановичем. Он написал поэму «Май», переводил на русский язык «Цыган» Пушкина. И у самого есть произведение 1835 г. под названием «Цыгане».

1848–1849 гг. – годы революции в чешских землях, когда открыто провозглашались революционные и национальные идеи. Это время расцвета реализма, важная роль в становлении которого принадлежит драматургу **Йозефу Каэтану Тылу**. В его музыкальной комедии «Фидловачка» есть песня «Где родина моя?», ставшая национальным гимном. Тыл написал историческую драму «Ян Гус». Он автор пьесы «У Каэтана» (этим именем назывался и созданный им театр), сказок, статей, рассказов.

Матерью чешского реализма считают **Божену Немцову**, которая нарисовала идиллическую картину сельской жизни в повести «Бабушка» (1855) (поэтому ее называют еще и бабушкой чешского реализма). Важную роль в утверждении реализма сыграл крупнейший выразитель чешской поэтической мысли **Ян Неруда** (не путайте с чилийским поэтом Пабло Нерудой, взявшим псевдоним по имени чешского писателя). Он автор сборников стихов «Баллады и романсы», «Песни страстной пятницы», «Космические песни», «Простые мотивы»; сборников прозы, лучший из которых – «Малостранские повести» (Малая страна – название района Праги, где вырос будущий писатель). Сборник состоит из 13 повестей, напоминающих «Миргород» Н.Гоголя или «Пошехонскую старину» М.Салтыкова-Щедрина. В них высмеиваются мещанство, некоторые стороны городской жизни.

Трудна была жизнь чешского писателя того времени, о чем шутивно-серьезно написал друг Неруды, автор 78 эпиграмм **К.Гавличек-Боровский**:

Только голод честному грозит.
Вору угрожает лишь веревка.
Чешскому писателю – увы! –
Сразу и петля, и голодовка.

Гавличек писал не только сатирические стихи, но и хлесткую прозу, являлся переводчиком на чешский язык произведений Н.Гоголя, М.Лермонтова.

Среди имен этого времени **Алоис Ир́асек**, автор исторических романов «Псоглавцы», «Гусистский король», исторических драм «Ян Гус», «Ян Жижка», повестей, сказок. Лекции Ирасека об истории Чехии времен независимости явно отразились на мировоззрении Я.Гашека, слушавшего его в гимназии. Следует помнить о том, что без произведений исторического жанра не может быть сформировано национальное самосознание.

Особое место в литературе начала XX в. занимает **Ярослав Га́шек** (1883–1923) – сатирик, автор фельетонов, новелл, рассказов, число которых перевалило за тысячу. В Чехии много мест, связанных с именами выдающихся писателей, художников, композиторов: Литомышль – с композитором Б.Сме́таной, Гронов – с Ирасеком, Простейов – с писателем И.Волькером, Липнице – с Я.Гашеком, которого похоронили у стены маленького липницкого кладбища, в уголке, рядом с самоубийцами и незаконными детьми. Похоронили как безверца, безбожного писателя (да, он был врагом религии и клерикализма). Жил, учился в Праге, был исключен из гимназии за участие в демонстрации. Потом учился в коммерческом училище. Еще в детстве, помогая священнику как министр, хорошо изучил закулисную жизнь духовенства, и первые копы начинающего прозаика полетели в их сторону. Разорвав с религией, опубликовал немало сатирических рассказов («Камень жизни», «Хвала богу», «В аду», «Смерть сатаны» и др.). Высмеивал «чудеса» религии, ее служителей. Когда началась Первая мировая война, был мобилизован, отправлен на Русский фронт, где в 1915 г. добровольно сдался в плен. Служил в России, принял 1917 год, стал большевиком и только в 1920 г. вернулся домой, направленный на

помощь чешскому революционному движению. Буржуазная печать на родине ополчилась против него: его травили, преследовали. Наступило одиночество, изоляция. Спасала идея романа о Швейке. Используя моменты из собственной биографии, он написал роман «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923 гг.), в котором разоблачаются империалистические войны, государственный и религиозный гнет. Швейк становится выразителем народного мнения: жизнь – не школа для обучения светским манерам. Образ Швейка вызвал неприятие со стороны критики, отмечавшей грубость и вульгарность героя, не увидевшей того, что в нем заложен принцип комической мистификации, поэтика смеховой игры, дающие автору возможность вовлечь читателя в развенчание милитаризма, национального гнета. Роман – историческая картина определенной эпохи. Война для Гашека – нелепое, несуразное, неисторическое событие, поэтому все доведено до абсурда. В Чехии книгу восприняли как плебейскую, автора травили. Роман не был закончен. На белорусский язык его переводили Зарецкий, Крапива, Ивашин.

В 1918 г. произошло образование независимой Чехословацкой республики – страны с равными правами для чехов и словаков. Первым президентом стал доктор наук Т.Г.Масарик, проповедовавший идеи гуманизма и демократии. Чехословакия преодолела экономический кризис, вошла в десятку самых индустриально развитых стран мира. Начался подъем рабочего движения. В 20-е гг. зарождается пролетарское течение в поэзии, теоретиками которого были В.Нейман, И.Волькер. Кроме революционной поэзии в 20-е гг. появляется социально-обличительный роман (романы М.Майеровой «Лучший из миров», И.Ольбрахта «Анка-пролетарка», В.Ванчуры «Пекарь Ян Маргоуль» и др.).

Особо выделим имя **Ярослава Сёйферта** (1901–1986), первого чехословацкого Нобелевского лауреата 1984 г., дебютировавшего сборником стихов «Город в слезах», в котором сочетались революционная проблематика с романтическим лиризмом. Он был членом объединения «Деветсил» – колыбели чешского авангарда, увлекался идеями всеобщего равенства. В предвоенные и военные годы жил заботами своего народа, а его творчество помогало соотечественникам в борьбе против фашизма. Поддержав восставших в Чехословакии 1968 г., впал в немилость властей, в результате чего смог печататься только в самиздате. В сборнике «Руки Венеры» Я.Сейферт расскажет о любви к женщине. Культура и красота Праги станут темой «Веера Божены Немцовой», «Каменного моста». Рисунки чешского художника Йозефа Лады, воспоминания детства подскажут ему тематику сборников стихов «Мальчик и звезды», «Маменька». Потом будут сборники «Отливка колоколов», «Зонтик с Пиккадилли» и одно из самых значительных творений – сборник стихов «Чумной столб» («Моровой столб»). Главным мотивом его творчества считают высказанное поэтом в стихах: «Но если в мире ближний мой страдает хоть один – несчастен я». Поэзию Сейферта отличает синтез различных течений европейского авангарда с отечественными философско-культурными корнями, что стало символично для чешской поэтической традиции.

В середине 20-х гг. молодые писатели и художники объединяются в общество «Деветсил», предложившее взамен лозунгов пролетарского искусства раскрепощение личности, поиск нового стиля, авангардистскую концепцию поэтизма. **Поэтизм** возникает как направление, связанное как с «Деветсилом», так и с пролетарской литературой. При этом он чурается идеологии вообще, провозглашая новый стиль, далекий от акаде-

мизма, канонов классического искусства, апеллировавший к людям – современникам эпохи радио, кино, модерна. Впоследствии поэтизм перерастет в сюрреализм, ориентированный на изучение подсознания, ассоциаций. В ряду ярких сторонников «Деветсила», поэтизма и сюрреализма можно назвать писателей **В.Незвала**, создавшего группу чешских сюрреалистов, **В.Ванчуру**, **К.Библа**.

20–30-е гг. XX в. – это и деятельность **Карела Чапека** (1890–1938), номинанта Нобелевской премии по литературе 1936 г., за 22 года работы в литературе написавшего 44 книги, первая из которых появилась в 1916 г. Его считали рафинированным эстетом, интеллигентом. Трогательно о нем говорит его жена-актриса в написанном ею «Чешском романе». Добрый человек, К.Чапек любил изображать себя садовником; сам или вместе с братом-художником Йозефом иллюстрировал свои книги, переводил французскую поэзию, Г.Аполлинера, А.Рэмбо.

Чапек считал, что в искусстве нет тождества между реальностью и жизнью, что «вне добра и зла искусства быть не может», что «великая литература способна создать великое и в жизни» (а не только исправлять или портить людей). Основным методом К.Чапека, задача его эстетики – доказательство от противного, соединение развлечения и откровения, радости и горя, добра и зла. В его произведениях мир не гармоничен, поэтому судьбы героев часто складываются трагично. Он утверждал прекрасное от обратного средством парадокса. Философия Чапека заключалась в ценности каждого человека как личности. Он выступал против насилия, стараясь защитить человеческую жизнь, и хотел сделать это средствами литературы и искусства.

Отличительной чертой произведений К.Чапека является наличие в них детективной фабулы, случайности или происшествия. Исходным материалом стано-

вились вырезки из газет, которые он раскладывал по папкам: «О людях», «Вещи», «Времена года». Из этого потом рождались миниатюры, составлявшие книги. К. Чапек – виртуоз малых форм, писал рассказы для взрослых и детей, повести, романы, пьесы, путевые заметки, притчи, апокрифы, изобретал новые жанры. Был Чапек-поэт, Чапек-сказочник, Чапек-романтик, Чапек-реалист. Будучи доктором философии, сначала испытал влияние философии прагматизма и релятивизма: истин множество, «каждый прав по-своему» – отсюда понятно, почему во многих его произведениях существует несколько правд. Однако обострение социальных противоречий и доктрина фашизма убедили его в несостоятельности идей релятивизма, что нашло отражение в трилогии «Гордубал», «Метеор», «Обыкновенная жизнь».

Он исследовал корни фашизма, его возникновение в романе «Война с саламандрами» (опубликован в 1935 г.), выступил антифашистом в пьесе «Мать» (о воинствующем гуманизме, невозможности оправдания любого оружия; сатира на милитаризм и расовые теории), раскрыл будущее планеты, показал опасность неконтролируемого научно-технического прогресса в драме «R.U.R.» (впервые использовал придуманное вместе с братом слово «робот»), «Фабрике Абсолюта», «Кракатите» (изобретается взрывчатка, способная уничтожить мир). Написал пьесы «Белая болезнь», «Средство Макропулоса», «Из жизни насекомых», несколько сборников рассказов («Рассказы из одного кармана», «Рассказы из другого кармана», «Маленькие рассказы», «Мучительные рассказы», «Сияющие глубины» и др.).

В романе «Война с саламандрами» – романе-протесте, романе-предостережении, романе-памфлете – использовал метод фантастического допущения, гротеска, метафоры (превращение животных в подобие

людей самими людьми), ввел в роман протоколы деловых заседаний, трактаты ученых, речи политиков, анкеты. Пародия, юмор, сатира послужили методом доказательства. Рассказывая фантастическую историю очеловечивания саламандр, писатель поднимает вопрос о научных открытиях и ответственности за последствия экспериментов (вспомним произведения Булгакова, Замятина, Лема), предостерегает о превращении науки в конвейер, разоблачает омассовление культуры и фашизм, воплощенный в саламандроначальнике.

30-е гг. XX в. в Чехословакии были отмечены экономическим кризисом, обострением социальных противоречий, угрозой фашистской опасности. Все это усиливало поляризацию сил в чешской литературе. Критике подвергается концепция автономности искусства (как у авангардистов, сюрреалистов). С другой стороны, это были годы начала оригинальной школы чешского сюрреализма, работы виднейших ее представителей С.К.Неймана, В.Завады, Ф.Галаса, В.Незвала. **Витезслав Нёзвал** (1900–1958) предложил свободную ассоциативность «вместо идеологии, сюжета, логики». Он стал одним из основателей «Группы сюрреалистов Чехии» и автором «Манифеста сюрреализма в ЧСР», пронизанного бунтарством, революционностью и антибуржуазностью. Написал ряд интереснейших стихов, например, «Попугай на мотоцикле», сборник стихов «Маленький садик роз», поэмы «Удивительный кудесник», «Эдисон» (восторг перед жизнью и необходимость противостоять злу). Новой образностью проникнуты сборники «Пражский пешеход», «Прага с пальцами дождя» (Прага в разное время суток, смена настроения). Его переводили Ахмадулина, Панизник, Жичка. Вместе с В.Незвалом участником «Деветсила» был **Владислав Ванчура** (1891–1942), прославившийся романами «Пекарь Ян Маргоуль», «Семья Горвата»,

художественной хроникой «Картины из истории чешского народа», рассказами и драмами, сценариями и режиссурой фильмов. Являясь ярчайшим представителем чешского авангарда 1920–1930-х гг., виртуозом модернистской прозы, он в дальнейшем стал одним из зачинателей соцреалистической литературы. Активный антифашист, патриот и участник движения Сопротивления, В.Ванчура был расстрелян гитлеровцами.

В 1938 г. Чехословакия стала жертвой фашизма. Началась оккупация, страна потеряла независимость. Гитлер оправдывал введение войск в Чехословакию защитой немецкоязычного населения. Подавление национальной духовной жизни, патриотично настроенной интеллигенции стали нормой жизни.

1939–1945 гг. – годы гитлеровской оккупации, гибели многих литераторов. Среди них – В.Ванчура, Й.Чапек, И.Ортен, Ю.Фучик. **Юлиус Фучик** (1903–1943) – национальный герой, один из самых известных в мире писателей-антифашистов. В 1921 г. вступил в Компартию, начал писать статьи, учился на философском факультете Карлова университета в Праге. Сблизился с творческой молодежью, редактировал журнал «Борба», сотрудничал в печатном органе «Руде право», где благодаря Фучику появляются новые имена деятелей культуры, писателей, публикуется и сам. В 1930, 1934 гг. приезжал в Россию, о чем написал статью «В стране, где наше завтра стало вчерашним днем». Самое значительное его произведение – «Репортаж с петлей на шее». Это документально-художественная книга, основанная на личных впечатлениях. В 1942 г. он попал в гестапо, был подвергнут чудовищным пыткам, а потом казнен на гильотине. В застенках тюрьмы создал книгу о героизме борцов Сопротивления, за которую в 1950 г. ему посмертно была присуждена Международная премия Мира.

Сегодня стоит пожалеть о переименовании одной из станций пражского метро, носившей его имя.

В 1945 г. Чехословакия была освобождена, а уже в 1949 г. состоялся I съезд чехословацких писателей, был образован Союз чехословацких писателей. В 50–60-е гг. социалистический реализм доминирует в литературе. Международное признание получили романы **Марии Пуймановой**, которая по литературной (творческой) манере близка Марселю Прусту. Это был ее взгляд на новый мир – романы «Люди на перепутье» (о проблемах чешского пролетариата и судьбах интеллигенции), «Игра с огнем» (антифашистская книга), «Жизнь против смерти». Прозаики **В.Ржезач**, **Б.Ржигга**, поэты **М.Флориан**, **В.Завада** и др. создают произведения, отражающие дух социалистического строительства. Но были и те, кто стремился показать реальную сложность и противоречивость исторического процесса, проблемы современности, например прозаик **Ян Отченашек** (1924–1979). В 1952–1960 гг. работал в Союзе чехословацких писателей, даже выполнял функции первого секретаря. Написал автобиографический роман «Широким шагом», романы «Гражданин Брих», «Хромой Орфей», ряд сценариев, повестей «Ромео, Джульетта и тьма» (произведение об оккупации Чехословакии, о любви еврейки и чеха), «Когда в раю шел дождь» и др.

К середине 60-х гг. усилилось влияние модернизма, «нового романа», абсурда драмы. А в 1968–1969 гг. произошел политический кризис, с «оттепелью» было покончено после введения войск стран Варшавского договора для «нормализации» политической ситуации в стране. После 1972 г. вновь возвращаются строгие правила соцреализма, воспевающего прелести социалистического общества. После либерализации 60-х гг. публиковались произведения только проверенных в идеологическом отношении авторов. Однако было и

другое, и другие. Те, кто принимал участие в событиях «Пражской весны» или сочувствовал им, подвергались преследованиям, не имели доступа к массовому читателю, покидали страну или публиковались в самиздате. Произведения, которые не могли не быть признаны за их достоинства и принадлежали популярным авторам, проходили строгий контроль цензуры, корректировались, но все же печатались. Так случилось с некоторыми произведениями Б.Грабала. Единственной возможностью для писателя публиковаться на родине стала его подпись под интервью накануне коммунистических выборов 1975 г., что вызвало негативное отношение у определенной части чешской интеллигенции и студенчества, выразивших протест сжиганием его книг. Ситуация прояснилась позже, и начиная с 90-х гг. необычная популярность писателя стала компенсацией за годы преследований и замалчивания его творчества на родине.

Произведения **Богумила Грабала** (1914–1997), переведенные на многие языки мира, на русском языке стали появляться в литературных журналах только в начале 1990-х гг., спустя более 20 лет после того, как с ними познакомились в Европе и Америке. Объясняется это тем, что произведения Грабала, не соответствовавшие духу соцреализма, находились в «черном списке», хотя писатель никогда не состоял ни в какой политической организации и даже не был членом ПЕН-клуба⁹.

Студенческие годы стали для Б.Грабала временем формирования литературного вкуса. Юрист по образованию, литературный путь он начал в 1937 г. публикацией в газете заметки «Дождь идет». Во время войны работал телеграфистом, дежурным по станции, после

⁹ПЕН-клуб – международная организация, объединяющая писателей, редакторов и переводчиков. Название клуба – аббревиатура англ. слов *поэт, эссеист, новеллист*, складывающаяся в слово pen – авторучка.

войны – страховым агентом, коммивояжером, рабочим на сталелитейном заводе, упаковщиком макулатуры, служащим сцены в театре. Профессии, которые он испробовал, нашли отражение в творчестве. Однако не стоит думать, что все в произведениях автобиографично. Грабал создает «автобиографичный миф», мистифицированную автобиографию или, как сам говорил, «искусственную судьбу», хотя многие герои его произведений имеют прототипы в семье писателя или в кругу его друзей. Кредо Б.Грабала заключалось в следующем: нет ничего такого, что бы не заслуживало любви, и поэтому нужно все включить в художественное произведение. Красота скрыта везде: в ужасе, в уничтожении и боли, в поломанных человеческих судьбах.

Рассказы писал с 1954 г., но в 1959 г. они были запрещены. С 1963 г. Грабал стал выступать уже как профессиональный литератор: написал цикл стихотворений, испытывая влияние сюрреализма, а также поэтики художественной «Группы 42», возникшей в военное время вокруг поэта Иржи Колларжа; повесть «Уроки танцев для пожилых и продолжающих»; сборники рассказов «Жемчужина на дне» и «Пабители» (слово «пабители» придумал сам для определенного типа людей наподобие сумасшедших, параллель – Швейк). Он создавал прозу, напоминающую репортаж, сочинял новеллы в экзистенциалистском ключе, натуралистические рассказы. Как сюрреалист устремлялся в сферу надреального.

Благодаря повести «Поезда особого назначения» (1965) к писателю пришла мировая слава. Фильм голливудского режиссера чешского происхождения, друга писателя Иржи Менцела, снятый по этому произведению, в 1967 г. был удостоен премии «Оскар» за лучшую иностранную киноленту. События в повести разворачиваются во время Второй мировой войны и

имеют автобиографическую основу. Используя фривольный сюжет в духе Рабле для трактовки военных событий, Грабал эпатировал читателей, ибо в то время в литературе воспевался подвиг народа в войне. Это были новации не всеми понятые и оцененные.

В дальнейшем новаторская манера письма Грабала будет тесно связана с техникой коллажа (ассорти, смесь) его друга и учителя Иржи Колларжа. Для писателя работа с текстом была «работой с ножницами»: первый раз написал – оставил, потом перечитал – и вырезал. Пример – сборник «Объявление о продаже дома, в котором я уже не хочу жить» (1965). В следующем десятилетии писатель начал использовать технику письма «алла прима» (набело, без редактирования и исправлений), восходящую к «автоматическому письму» сюрреалистов. А в 90-е гг., используя коллаж, он комбинирует чужие и собственные тексты, например, свой текст сочетает с программой инаугурации президента В.Гавела и отрывками из художественной литературы или добавляет газетные новости. Это прослеживается в произведениях «Инаугурация и внутренний монолог» и «Публичное самоубийство».

После 1968 г. произведения Богумила Грабала были запрещены. Большинство книг публиковалось в самиздате за рубежом или спустя годы после их написания. Так, роман «Пострижение» 1970 г. был издан только в 1976. Ради объективности заметим, что в 70–80-е гг. некоторые его книги, пропущенные через цензуру, официальные издательства все же печатали, т.к. власти не могли допустить, чтобы имя влиятельного и популярного писателя ассоциировалось исключительно с диссидентским движением.

В 1970 г. было написано одно из лучших произведений Грабала – роман «Я обслуживал английского короля». Печатался роман нелегально в самиздате, массовому чешскому читателю стал доступен только

в 1989 г., на русском языке был опубликован в 1991 г. Вся книга – большая история, разделенная на отдельные части, которые в итоге составляют целостную картину жизни. Повествование носит исповедальный характер и представляет собой интимную беседу с читателем. Главный герой книги описывает события своей жизни как сторонний наблюдатель, стараясь быть объективным, не упуская ни малейшей детали. Начинается каждая глава словами: «Послушайте-ка, что я вам теперь расскажу», а завершается – «Хватит с вас? На этом я сегодня закончу!» К кому это относится, становится ясно только в конце романа.

Фундаментальное не по объему, а по смыслу «Слишком шумное одиночество» появилось нелегально в 1977 г., а официально, без цензурного вмешательства, спустя 12 лет. Если в предыдущем романе было лиро-эпическое повествование с активным героем, то в этой книге – философско-медитативное с героем-созерцателем. Б.Грабал использовал в творчестве сюрреалистический метод свободного ассоциативного начинания¹⁰, или параноико-критический. Его произведениям присущ чешский юмор, ирония, которая все выворачивает наизнанку, в них ощущается любовь к философии Канта, много сильных эмоций, необычная манера письма.

Следующее десятилетие в творчестве Б.Грала ознаменовалось созданием автобиографической трилогии «Свадьбы в доме», «Vita puowa», «Разрывы». Повести этого цикла, написанные от лица жены о нем са-

¹⁰Сюрреализм (фр. *surréalisme* – сверхреализм) – направление в искусстве. Философская основа – фрейдизм, подсознательные озарения, скоростная запись первых пришедших в голову слов, обрывков речи, видений; фантастика алогично чередующихся фрагментов, шоковые способы воздействия на читателей. Литературное объяснение сюрреализма дано в рассказе К. Чапека «Поэт», помещенном в приложении к данному пособию.

мом, отражают политическую ситуацию после введения в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Последнее спровоцировало конфликт писателя с властями.

После «бархатной революции» 1989 г. Богумил Грабал вновь обрел массовую аудиторию. Вернулось к соотечественникам литературное наследие, долго замалчиваемое. Всемирно известный писатель вызывал интерес не только у читателей, но и у политиков. Например, по просьбе тогдашнего президента США Билла Клинтона президент Чехии Вацлав Гавел организовал встречу с Б.Грабалом в одной из пражских пивных по требованию последнего. В 90-е гг. писателю было присуждено около десятка престижных международных премий в области литературы, он совершил поездки по университетам Европы и Америки с авторскими лекциями, а в 1996 г. получил чешскую медаль «За заслуги». Менее чем через два месяца после этого события оказался в больнице, а еще через месяц – 3 января 1997 г. – умер вследствие падения из окна 6 этажа. Кто-то говорит о несчастном случае: кормил голубей и выпал, кто-то – о самоубийстве. Последнему есть объяснение: мотив самоубийства часто встречается в его произведениях, например, в «Волшебной флейте». (К слову, с шестого этажа хотели выпрыгнуть Ф.Кафка и Р.М.Рильке, так свел счеты с жизнью К.Библ.) В один из последних дней рождения Грабал записал: «Зачем я буду праздновать этот день, если мне хочется умереть? Рождение – да, но по другую сторону...».

К современным писателям-драматургам относится **Вацлав Гавел** (р.1936), всемирная известность к которому пришла в 60-е гг. XX в. Он был одним из основателей общественного движения «Хартия-77». За свои диссидентские взгляды трижды находился в тюрьме. В годы гонений создал ряд пьес, а также получившую

международную известность книгу писем из заключения. После «Пражской весны» 1968 г.¹¹ пьесы Гавела в Чехословакии оказались под запретом. В 1983 г. подпольно появился том эссе «Письма к Ольге» – изложение экзистенциалиста¹² Гавела. В пьесах «Реконструкция», «Аудиенция», «Яйцо и курица», «Праздник в саду», «Уведомление», «Вернисаж», «Протест», «Большое опустошение», публицистических работах реальную ситуацию в Чехии писатель доводит до абсурда. Не случайно он придумал ироничное название для страны – Абсурдистан, в которой нормой стал абсурд. Главные темы произведений В.Гавела – личность и государство, личность и идиотизм системы, а герои – люди, занимавшие особое положение в обществе и пытавшиеся примирить совесть со своими привилегиями. Метод писателя представляет собой соединение особенностей чешского театра абсурда и публицистичности; произведения содержат философский подтекст, аллюзии, символику, антикоды, социально-психологический анализ. В 1989 г. в результате «бархатной революции» писателя избирают первым президентом Чехословацкой Социалистической Республики. Президентские полномочия В.Гавел сложил с себя в 2003 г. Будучи президентом, пьес уже не писал, неоднократно заявляя, что вернется к литературной деятельности на

¹¹ «Пражская весна» – период политической и культурной либерализации в Чехословакии с 05.01 по 20.08.1968 г., закончившийся вводом в страну войск Организации Варшавского договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши).

¹² Экзистенциализм (от лат. *exsistentia* – существование) – направление в философии XX в., трагический гуманизм (Ж.-П.Сартр) до болезненной ущербности; основные мотивы – заброшенность, страх, муки совести, тревога, смятение, вызов властям, т.е. писательское видение жизни.

«политической пенсии». Среди драматургов – современников Гавела выделяется Й.Тополь.

Особое место в чешской литературе занимает творчество **Милана Кундеры** (р. 1929), одного из самых популярных писателей современности, мастера интеллектуальной прозы. Сын ректора музыкальной академии, сам хорошо играл на рояле и трубе, а когда понадобилось, подрабатывал джазовым музыкантом (обратите внимание на многочисленные музыкальные вставки и композиции в его романах). Проучился на философском факультете Карлова университета два семестра, перешел в Академию изящных искусств. В 1946 г. опубликовал первые стихи. Преподавал мировую литературу, в 1948 г. вступил в Компартию, из которой в 1950-м за «ошибочные взгляды» был исключен. После начала «хрущевской оттепели» его восстановили в партии, но в 1970 г. вновь исключили за участие в событиях 1968 г.

В 1953 г. вышел сборник стихов «Человек – необъятный сад», в котором Кундера рассуждал о человеческой личности, в 1955 – поэтический цикл «Последний май», прославлявший героизм Юлиуса Фучика. Пишет три тетради рассказов «Смешные любви» (1963, 1965, 1968), эссе, делает переводы, появляется первый роман (по сути политический) «Шутка» (1967), в котором рассказывается история испорченной из-за шутки жизни человека в эпоху сталинизма послевоенной Чехословакии (студент Людвиг на отправленной девушке открытке написал фразу, понятную только им двоим. Ярая сторонница коммунистических взглядов, девушка отнесла ее в партком факультета, посчитавший надпись «Оптимизм – опиум для народа! Да здравствует Троцкий!» аполитичной. Однокурсники проголосовали за исключение парня из

числа студентов и...). Проходит время, герой желает отомстить, но в итоге ощущает отчужденность от мира. Есть у Кундеры и пьесы: «Жак и его господин» о Д.Дидро, «Владельцы ключей» о контрасте, противопоставлении героев и обывателей.

После известных событий 1968 г. поддержавшему восставших писателю запретили преподавать, книги изъяли из библиотек, имя вычеркнули даже из телефонных справочников. Его пригласили преподавать во Францию, но М.Кундера до 1975 г. был невыездным. Роман «Вальс на прощание» – последний, написанный в Праге. Сначала кажется, что речь идет о любви, но потом понимаешь: это отражение безвыходности положения, в котором оказалась родная автору страна, а печаль, отчаяние, равнодушие людей вынуждают героя покинуть родину.

В первые годы эмиграции был написан роман «Книга смеха и забвения». В нем нет законченного сюжета, он насыщен отдельными эпизодами, герои которых борются с забвением и приходят к мысли о том, что прошлое улучшить нельзя. Реакцией чехословацких властей на это произведение стало лишение писателя в 1979 г. гражданства. С 1981 г. М.Кундера является гражданином Франции. Там он публикует роман «Невыносимая легкость бытия» (закончен в 1972 г.), который становится бестселлером. Известная политическая обстановка в стране радикально несколько раз меняет жизнь героев. Философичность произведения основана на толковании легкости и тяжести бытия сродни Пармениду (древнегреческому философу) и идее Ф.Ницше о вечном возвращении. Синтезом романа и эссе явилось произведение «Бессмертие» (1988) – последнее, написанное на чешском

языке. В нем рассматриваются вопросы бытия, фиктивности происходящего, европейской культуры.

В 1990–2000 гг. М.Кундера написал романы «Бессмертие», «Неспешность» («Медлительность», много откровенных сцен, скандальный роман), «Подлинность», «Идентичность», «Неведение». Хотя основу многих произведений составляют абстрактные категории, автор интересуется изучением живых людей, их поступков, отношением к любви, родине, долгу, Богу. Темы – эмиграция, ностальгия, одиночество, память. Его произведениями интересуется как интеллектуальный, так и массовый читатель, которого привлекает занимательная интрига, эпатаж, психологизм взаимоотношений мужчины и женщины и даже налет эротизма.

Чтобы лучше понять творчество, художественный метод писателя, следует познакомиться со сборниками эссе «Искусство романа» и «Нарушенные завещания», содержащими размышления о возможностях романа как антитоталитарного жанра, о словах-символах, фантастичном и ирреальном, вербальной картине мира, о противостоянии политики и культуры Запада и Востока. Книжки Кундеры переведены на многие языки мира.

Один из самых читаемых современных прозаиков – **Михал Вивег** (р. 1962). Пришел в литературу в 1990 г., опубликовал более десятка романов, бестселлером стало произведение «Лучшие годы – псу под хвост». Прекрасно владея богатой палитрой юмора и иронии, в которой нередко оживают типично чешские – гашековские интонации, Вивег пишет о наболевшем – о ключевых моментах чешской истории второй половины XX ст. 1968 и 1989 – две даты, организующие действие романа. В 1968-м танками военного блока (стран Варшавского договора) была раздавлена мечта о «социализме с человеческим лицом». Начались годы

безвременья, когда чешский народ и, прежде всего, интеллигенция, полной чашей испили горечь унижения и предательства: врачи и юристы вынуждены были работать мойщиками окон, истопниками и ночными сторожами, а кое-кто, поддавшись искушению карьеры, стал служить режиму. Это был мир перевернутых понятий, перевернутых норм человеческих взаимоотношений. И не заключен ли особый смысл в таинственной игре календарных чисел, когда перевернутое 68 становится 89? Так в романе трагедия 68-го закономерно и неизбежно оборачивается «бархатной революцией» 89-го. М. Вивег был удостоен премии Иржи Ортена, поэта, погибшего во время засилия фашизма в Праге.

Популярностью пользуются произведения **Радека Йона** (р. 1954), пишущего о молодежи и для молодежи. Он закончил сценарный факультет университета. Является автором рассказов, романов «Джинсовый мир», «Начало летоисчисления», «Memento». Последнее произведение – о наркомании. Чтобы лучше узнать этот мир, писатель вошел в среду наркоманов, написал сначала об этом репортаж, а потом роман-предостережение, избавленный излишней патетики и нравоучений, которые так не любят молодые. Есть у него и сценарии кинофильмов, например, кинофильма «Почему?» о футбольных болельщиках-фанатах.

Кроме выше перечисленных писателей, современную чешскую литературу представляют **Владимир Нефф**, автор исторических романов «У королев не бывает ног», «Перстень Борджиа», «Колдунья»; **Владимир Парал**, написавший роман «Декамерон-2000, или Любовь в Праге»; **Станислав Рудольф**, пишущий о подростках; **Йозеф Томан** – автор произведений об индейцах; **Милослав Стингл**, разрабатывающий донжуанскую тему; **Ян Балабан**, современный чешский прозаик, выпустивший сборники рассказов «Средневе-

ковье», «Божий канат», «Каникулы», «Черный баран», «Туда шел ангел». За сборник 2004 г. «Возможно, мы уходим» был удостоен престижной литературной премии. Большой интерес вызывают книги поэта и прозаика **Ленки Райнеровой**, награжденной Большим крестом за литературные заслуги (она последний пражский автор, пишущий по-немецки). Кто-то из современных чешских писателей живет на родине, кто-то за границей, но при этом чешская литература не делится на литературу «тут» и «там».

Литература

1. *Антология чешской поэзии XIX–XX веков: в 3 т.* – М., 1959.
2. *Бернштейн, И.А.* Чешский роман XX в. и пути реализма в европейских литературах / И.А.Бернштейн. – М., 1979.
3. «Гэты цудоўны край – зямля чэхаў...». Выбраныя творы з чэшскай літаратуры XIX стагоддзя: вучэб. дапам. / склад., пер. з чэш. мовы і аўт. камент. Н.Б.Ра-шэтнікавай. – Мінск, 2009.
4. *Драматургия Чехословакии.* – М., 1976.
5. *Литература социалистических стран.* – М., 1981.
6. *Никольский, С.В.* История образа Швейка: новое о Ярославе Гашеке и его герое / С.В.Никольский. – М., 1997.
7. *Чешская новелла XIX – начала XX века.* – Л., 1987.
8. *Чешские повести и рассказы.* – М., 1977.
9. *Шаблоўская, І.В.* Паэтыка чэшскага рамана XX стагоддзя / І.В.Шаблоўская. – Мінск, 1995.
10. *Творческий портрет В.Гавела // Крыніца.* – 1997. – № 1. – С. 2–38.
11. *Творческий портрет М.Кундеры // Крыніца.* – 1998. – № 10. – С. 50–97.

Послесловие

Представленный в учебном пособии обзор исторического развития таких славянских литератур, как болгарская, польская, сербская, чешская, отражает национальную специфику и важнейшие проявления литературного творчества. Литературный процесс в каждой из них, несмотря на отдельные, часто вынужденные и объяснимые спады, в целом является прогрессирующим. Из внушительного списка имен и явлений для анализа нами были выбраны те, которые наиболее ярко выразили национальную ментальность, время, проблемы, привлекая внимание общества и литературы. Сложностью оказалось приурочивание к определенным десятилетиям творчества того или иного писателя, хотя и наблюдалась очевидная связь с историческими моментами, литературными направлениями и течениями, логикой последовательного изложения материала.

Для получения общей картины состояния славянских литератур материал, изложенный в пособии, необходимо сопроводить, проиллюстрировать чтением произведений. При этом неплохо было бы помнить о том, что важно не количество прочитанных, а количество понятых книг. Еще Эразм Роттердамский взывал к взявшему в руки книгу: «Читая, ты должен все основательно продумывать, чтобы прочитанное обратилось в твою плоть и кровь, а не было сложено в одной памяти, как в каком-либо словаре». Акцентируя внимание на важных и сложных литературных произ-

ведениях, приглашаем читателей-студентов к размышлению.

Идеальный вариант изучения национальных литератур – чтение произведений в оригинале, ведь любой перевод ущербен. Достаточно вспомнить высказывание русского поэта Василия Жуковского о том, что «переводчик в прозе – раб, в поэзии – соперник». Не всегда при переводе можно найти точное слово, нужный образ. Так, например, в грузинском языке нет оттенков синего цвета, поэтому голубоглазую девушку вы не увидите. Отличает славянские языки и наличие постоянного ударения (например, в чешском оно на первом слоге, в польском – на предпоследнем). Вывод: учите языки, читайте произведения в оригинале. В пособии фрагменты произведений даны в русском переводе. Существуют переводы на белорусский язык произведений Я.Гашека, С.Лема, И.Андрича, Э.Ожешко, А.Мицкевича, В.Шимборской, П.Вежинова и др., но их явно недостаточно.

В книге «Алхимия слова» польский писатель Ян Парандовский подчеркивает: «Слово – сила. Увековеченное в письме, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем и пространством. Но, только будучи схваченной в сети букв, мысль живет и действует. Все остальное развеивает ветер. Прогресс в развитии человеческой мысли, достижения ума человека родились из этих слабеньких букв-стебельков на белом поле бумаги. В жилах культуры пульсируют капельки чернил. Плох писатель, который об этом не думает, плох писатель, если он продолжительность жизни своего творения меряет преходящим мигом, плох, если думает, что мгновение

не накладывает на него тех же обязательств и той же ответственности, что и столетие».

Опыт изучения истории славянских литератур убеждает в том, что настоящий писатель, как и настоящая литература, не претендуют на исключительную избранность того или иного народа, веры или литературы, ибо претензия на исключительность, на подавление инакомыслия становится причиной распада как личности, так и литературы.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Андреев, В.Д.* История болгарской литературы / В.Д.Андреев. – М., 1978.
2. *Кузнецова, Р.Р.* История чешской литературы / Р.Р.Кузнецова. – М., 1987.
3. *Баршчэўскі, Л.* Беларуская літаратура і свет / Л.Баршчэўскі, П.Васючэнка, М.Тычына. – Мінск, 2004.
4. *Шабловская, И.В.* История зарубежной литературы XX века (первая половина) / И.В.Шабловская. – Минск, 1998.

Дополнительная

1. *Гимбутис, М.* Славяне. Сыны Перуна / М.Гимбутис. – М., 2001.
2. *Соколянский, А.А.* Введение в славянскую филологию / А.А.Соколянский. – М., 2004.
3. *История* восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. – Минск, 2001.
4. *История* литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: в 2 т. / редкол. В.А.Хорев. – М., 1995. – Т. 1; 2001. – Т. 2.
5. *История* литератур западных и южных славян: в 3 т. – М., 2001. – Т. 3.
6. *Литературный* энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева. – М., 1987.
7. *Мальдзіс, А.І.* На скрыжаванні славянскіх традыцый / А.І.Мальдзіс. – Мінск, 1980.

РЕКОМЕНДУЕМ ПОЧИТАТЬ

Болгарская литература

Вазов И. Под иггом.
Константинов А. Бай Ганю.
Елин Пелин. Гераковы.
Димов Д. Табак.
Талев Д. Преспанские колокола. Железный светильник.
Гуляшки А. Любовь. Приключения Аввакума Захова.
Радичков Й. Все и никто. Пороховой букварь.
Райнов Б. Черные лебеди. Нет ничего лучше плохой погоды. Большая скука.
Вежинов П. Барьер. Ночью на белых конях.
Станев Е. Похититель персиков.
Стратнев С. Автобус.
Господинов Г. Естественный роман.
Борисов Г. В полдень, где-то в начале. Ворота. Пришелец. Карфаген.

Польская литература

Міцкевіч А. Дзяды. Пан Тадэвуш. Гражына.
Крашевский Ю. Графиня Козель. Старое предание.
Реймонт В. Мужики. Комедиантка.
Жеромский С. Пепел.
Ожешко Э. Над Неманом. Хам.
Прус Б. Кукла. Фараон.
Сенкевич Г. Камо грядеши? Огнем и мечом. Потоп.
Пан Володыевский. Крестоносцы.
Бреза Т. Бронзовые врата.
Тувим Ю. Цветы Польши. Бал в опере.
Голуй Т. Рай.
Ивашкевич Я. Повести. Рассказы.
Кавалец Ю. Танцующий ястреб.

Анджеевский Е. Пепел и алмаз. И мрак покрывает землю.

Виткевич С. Театр.

Лем С. Солярис. Голос Неба. Приключения пилота Пиркса.

Ставинский Е. Час пик.

Гомбрович В. Фердидурка. Венчание.

Шимборская В. Стихи. Сборник «Конец и начало».

Мрожек С. Танго. Счастливый случай.

Ружевиц Т. Картотека. Смерть в старых декорациях.

Щепаньский Я. Автограф.

Конвицкий Т. Ничто или ничто.

Милош Ч. Спасение. Год охотника. Европа – Родина.

Токарчук О. Правек и другие времена. Бегуны.

Чешская литература

Неруда Я. Малостранские повести.

Ирасек А. Псоглавцы.

Сейферт С. Стихи.

Незвал В. Васильки и города. Эдисон.

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка.

Чапек К. Война с саламандрами. Средство Макропулоса. Рассказы.

Пуйманова М. Люди на перепутье.

Отченашек Я. Ромео, Джульетта и тьма.

Грабал В. Слишком шумное одиночество. Я обслуживал английского короля.

Кундера М. Шутка. Невыносимая легкость бытия.

Гавел В. Аудиенция.

Йон Р. Мemento.

Вивег М. Лучшие годы – псу под хвост.

Сербская литература

Максимович Д. Стихи.

Павич М. Хазарский словарь. Стеклопанная улитка. Ящик для письменных принадлежностей.

Петрович Г. Атлас, составленный небом.

МИНИ-ХРЕСТОМАТИЯ

Богумил Грабал

Слишком шумное одиночество

(фрагменты)

перевод С.Скорвида

Тридцать пять лет я занимаюсь литературой, и это моя история любви. Тридцать пять лет я прессую старую бумагу и книги, тридцать пять лет пачкаюсь типографскими знаками, так что стал похож на толковые словари, которых за эти годы через мои руки прошло, наверное, центнеров тридцать; я сосуд с живой и мертвой водой, стоит меня чуточку наклонить – из меня потекут сплошь мудрые мысли, я против своей воли образован и даже не знаю, какие мысли мои, то есть из меня, а какие я вычитал, так за эти тридцать пять лет во мне срослись я сам и окружающий меня мир; ведь я, читая, можно сказать, не читаю, а набираю в клюв красивую фразу и смакую ее, как конфету, как рюмочку ликера, до тех пор, пока эта мысль не впитается в меня, подобно алкоголю, до тех пор она всасывается, пока не только проникнет в мозг и сердце, но просочится с кровью до самой последней жилки. И вот так я за один месяц прессую в среднем двадцать центнеров книг, но чтобы найти в себе силы для этого моего богоугодного дела, я за тридцать пять лет выпил столько пива, что его хватило бы на пятидесятиметровый плавательный бассейн или целые ряды кадок под рождественских карпов. Так я стал мудрым поневоле и заявляю, что мой мозг – это спрессованные гидравлическим прессом мысли, связ-

ки идей, Золушкин орешек – вот что такое моя голова, на которой выгорели волосы, и я понимаю, что куда лучше было в прежние времена, когда все знания сберегала одна лишь людская память; тогда, если бы кто-то затеял изничтожать книги, он был бы принужден пропускать через пресс человеческие головы, хотя и это оказалось бы бесполезным, ведь настоящие мысли берутся снаружи, они всходят подле человека, как тесто в квашне, так что напрасно Кониаши всего мира жгут книги: если они, эти книги, заключают в себе нечто подлинное, слышится лишь тихий смех сжигаемых страниц, ибо хорошая книга всегда обращена куда-то вовне. Я тут купил приборчик, умеющий складывать, умножать и извлекать корни, габаритами не внушительнее бумажника, и когда, набравшись смелости, я отверткой выломал его заднюю стенку, то с радостным испугом разглядел внутри, к собственному удовольствию, крохотную пластинку размером с почтовую марку и толщиной с десяток книжных листов – и больше ничего, только воздух, заряженный математическими вариациями воздух! Вот так, когда мои глаза погружаются в хорошую книгу, отвлекаясь от напечатанных слов, от текста ее тоже остаются лишь нематериальные мысли, которые витают в воздухе, почивают на воздухе, питаются воздухом и в воздух же возвращаются, ибо все в итоге состоит из воздуха – так же, как одновременно присутствует и отсутствует кровь Господня в Святом причастии. <...>

Тридцать пять лет я прессую макулатуру, и за это время старьевщики сбросили в мой подвал столько прекрасных книг, что, имея я хоть три сарая, все они оказались бы заполнены. После Второй мировой войны кто-то свалил возле моего гидравлического пресса корзину книг, и когда я пришел в себя и раскрыл одну из этих красавиц, то увидел штамп Королевской Прусской библиотеки, а на следующий

день с потолка в подвал посыпались переплетенные в кожу книги, воздух искрился от их золотых обрезов и заглавий, и я поспешил наверх, а там стояли два парня, и я выудил из них, что где-то возле Нового Страшеци есть сарай, в котором среди соломы столько этих книг, что глаза разбегаются. Тогда я пошел к военному библиотекарю, и мы с ним отправились в Страшеци и там в поле отыскивали не один, а целых три сарая с Королевской Прусской библиотекой, и, налюбовавшись, мы договорились, что армейские машины будут одна за другой всю неделю свозить эти книги в Прагу, во флигель Министерства иностранных дел, чтобы, когда все успокоится, библиотека опять вернулась туда, откуда ее привезли, но кто-то проведал об этом ненадежном укрытии, и Королевскую Прусскую библиотеку объявили военным трофеем, и армейские машины вновь возили переплетенные в кожу книги с золотыми обрезами и заглавиями на вокзал, и там их грузили на открытые платформы, и шел дождь, лило целую неделю, и когда последняя машина привезла последние книги, поезд поехал навстречу ливню, и с открытых платформ капала золотая вода, смешанная с копотью и типографской краской, а я стоял, опершись о парапет, и ужасался тому, чему был свидетелем; когда последний вагон исчез в дождливом дне, дождь смешивался у меня на лице со слезами, и я ушел с вокзала и, увидев полицейского в форме, скрестил руки и совершенно искренне попросил его надеть на меня наручники, или побрякушки, как говорят в Либени, и арестовать, потому что я совершил преступление: я, мол, сознаюсь в преступлении против человечности. А когда он меня в конце концов задержал, то в участке меня не только подняли на смех, но еще и пригрозили, что посадят в тюрьму.

Михал Вивег
Лучшие годы – псу под хвост
(фрагменты романа)
перевод Н.Шульгиной

Карьера отца Квидо кончилась на склоне лета тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, причем так же внезапно, как и началась.

Правда, уже прошлой осенью случилась одна, казалось бы, пустяковая история, в которой иной, у кого на такие вещи особый нюх, мог бы углядеть некую увертюру, некий первый симптом будущего кризиса: маленький Пацо – точно таким же образом, как когда-то его старший брат – сбросил, играя в детском саду в кегли, застекленный портрет президента, правда, на сей раз уже, конечно, не Людвига Свободы, а Густава Гусака.

Падающая рама и длинные острые осколки стекла и на сей раз, по счастью, никого не задели. Однако нельзя было бы утверждать, что сброшенный портрет никому не навредил: одна из старших воспитательниц мгновенно вспомнила подобный случай с Квидо и каждому встречному и поперечному рассказывала об этом как о некоей невероятной случайности. Поэтому упомянутый эпизод вскоре получил широкую огласку и далеко не каждому представлялся всего лишь забавным.

– Будь внимательным к таким вещам, – сказал отцу Квидо Шперк. – Люди могут усмотреть в этом взаимосвязь!

– Он же ребенок... – растерянно оправдывал младшего сына отец.

– То-то и оно! – сказал Шперк. – Недооцениваешь! Нормальные дети, когда катят по полу шар, не сбрасывают портрета, что висит в двух с половиной

метрах над полом. Нет, нормальные дети портретов не сбрасывают!

– Уж не винишь ли ты меня в том, что я родила двух ужасно бездарных игроков в кегли? – спокойно сказала мать.

– Нет, не виню! – орал отец и в приступе слепой злобы вlepил Пацо пощечину. Пацо расплакался.

Мать вытерла мальчику слезы и выставила за дверь.

– Это была первая политическая пощечина, которую получил Пацо, – рассказывал впоследствии Квидо. <...>

... – Привет, Павел, – сказала тогда с сияющей улыбкой мать Квидо Павлу Когоуту, давая тем самым понять продавцам, покупателям и не в последнюю очередь самой себе, что не боится заговорить на столь бойком месте со столь знаменитым теперь диссидентом.

Отец Квидо, который несколько изменился в лице, в последнюю минуту решил сделать веселую мину.

Павел Когоут, естественно, мгновенно узнал забываемую Яну из своей пьесы «Хорошие песни», а позже свою приятельницу по театру – впрочем, не прошло и двух лет, как они виделись в Сазаве, – и в его глазах появился проблеск неподдельной радости:

– Привет!

Но следом он как-то смешался и вернулся к тому сдержанно-любезному тону, который давно уже выработал в себе для подобных встреч и который имел лишь одну цель: относиться с особой осторожностью к тем, с кем в данный момент он разговаривает. Однако и по прошествии нескольких минут улыбка на лице матери Квидо не увяла, и посему он решился произнести столь расхожую вежливую фразу, какую в последнее время произносил весьма редко, ибо понимал, что в его устах она тотчас оборачивается жестким психологическим нажимом.

– Заходите как-нибудь... когда вам будет удобно, – сказал он с некоторой оглядкой.

Не желая показаться невежливым, он, видимо, при этом пытался оставить им некий необходимый простор для отступательного маневра, который был бы вполне оправдан.

Десанка Максимович
Детская косичка в Освенциме
перевод Л. Мартынова

Осень сменяет лето, пятый раз сменяет,
А тонкая, словно ящерка, девочкина косичка
Лежит в Освенцимском музее –
Живет и не умирает.

Мамины пальцы сгорели, но все-таки ясно видно,
Как девочку в путь-дорогу пальцы те собирают,
То они цепенеют, то беспомощно виснут,
И черную ленту предчувствий
В тонкую косу вплетают.

Туго косичка закручена, не расплетется до вечера,
Скупые змейки стелются – мама горько плачет.
Девочка улыбается ласково и доверчиво,
Девочка не понимает, что эти слезы значат.

Вот палачи ледяные – банды их ясно вижу –
Косят людские волосы, мечут в стога большие.
Легкие детские локоны ветер уносит выше,
В грузные копны сложены женские косы густые.

Словно шерсть настриженную, словно руно овечье,
В кучи их кто-то сваливает и припинает ногами.
Вижу – пылают яростью большие глаза человечьи,
Вижу старух испуганных рядом со стариками.

То, что словами не выскажешь, тоже вижу ясно:
Пламя пышет из топки и палачей озаряет,
Длинные их лопаты от детской крови красные,
Стылые детские трупы в топку они швыряют.

Вижу седины бедные, все в серебристом инее,
И рядом – как ящерка – тонкую девочкину косичку,
Вижу глазенки детские – большие, синие-синие.

Счастье

перевод А.Ахматовой

Я время по часам не отмечаю,
по ходу солнца не считаю срока,
заря встает – когда его встречаю,
и снова ночь, когда он вновь далеко.

И смех не мера счастья. Не хочу я
знать, чье сильней и тягостней томленье.
Есть счастье в грусти: вместе с ним молчу я,
и слышно двух сердец одно биенье.

И мне не жаль ветвей моих весенних,
что будут смыты жизни водопадом.
Пусть молодость уходит легкой тенью:
он, зачарованный, со мною рядом!

Карел Чапек

Поэт

(рассказ с незначительными сокращениями
из сборника «Рассказы из одного кармана»)

перевод Т.Аксель

Заурядное происшествие: в четыре часа утра на
Житной улице автомобиль сбил с ног пьяную старуху

и скрылся, развив бешеную скорость. Молодому полицейскому чиновнику д-ру Мейзлику предстояло отыскать это авто. Как известно, молодые полицейские чиновники относятся к делам очень серьезно.

– Гм... – сказал Мейзлик полицейскому номер 141. – Итак, вы увидели в трехстах метрах от вас быстро удалявшийся автомобиль, а на земле – распостертое тело. Что вы прежде всего сделали?

– Прежде всего подбежал к пострадавшей, – начал полицейский, – чтобы оказать ей первую помощь.

– Сначала надо было заметить номер машины, – проворчал Мейзлик, – а потом уже заниматься этой бабой... Впрочем, и я, вероятно, поступил бы так же, – добавил он, почесывая голову карандашом. – Итак, номер машины вы не заметили. Ну, а другие приметы?

– По-моему, – неуверенно сказал полицейский номер 141, – она была темного цвета. Не то синяя, не то темно-красная. Из глушителя валил дым, и ничего не было видно.

– О господи! – огорчился Мейзлик. – Ну, как же мне теперь найти машину? Бегать от шофера к шоферу и спрашивать: «Это не вы переехали старуху?» Как тут быть, скажите сами, любезнейший?

Полицейский почтительно и равнодушно пожал плечами.

– Осмелюсь доложить, у меня записан один свидетель. Но он тоже ничего не знает. Он ждет рядом в комнате.

– Введите его... Фамилия и местожительство? – машинально обратился Мейзлик к вошедшему, не поднимая взгляда.

– Кралик Ян – студент механического факультета, – отчетливо произнес свидетель.

– Вы были очевидцем того, как сегодня в четыре часа утра неизвестная машина сбила Божену Махачкову?

– Да. И я должен заявить, что виноват шофер... Я провожал своего друга.

– А кто такой ваш друг? – снова прервал Мейзлик.

– Поэт Ярослав Нерад, – не без гордости ответил свидетель. – Но от него вы ничего не добьетесь. Потому что он... у него...такая поэтическая натура. Когда произошел несчастный случай, он расплакался, как ребенок, и побежал домой... Итак, мы шли по Житной улице: вдруг откуда-то сзади выскочила машина...

– Номер машины?

– Извините, не заметил <...>

– А какого цвета кузов? Кто сидел в машине? Открытая или лимузин?

– Не знаю, – смущенно ответил свидетель. – Цвет, кажется, черный. <...>

Через час полицейский номер 141 позвонил у дверей поэта Ярослава Нерада. <...> Полицейскому наконец удалось объяснить Нераду, зачем его вызывают в полицию. <...>

– Вы поэт Ярослав Нерад? – спросил Мейзлик. – Вы были очевидцем того, как неизвестный автомобиль сбил Божену Махачкову? <...> Можете вы сказать, какая это была машина? Открытая, закрытая, цвет, количество пассажиров, номер?

Поэт усиленно размышлял.

– Не знаю, – сказал он. – Я на это не обратил внимания. <...>

– Что же вы вообще заметили, скажите, пожалуйста? – иронически осведомился Мейзлик.

– Так, общее настроение. <...> Постойте! – вдруг вскочил поэт. – Ведь я написал об этом стихи, когда пришел домой. <...>

Дома в строю темнели сквозь ажур,
Рассвет уже играл на мандолине,
Краснела дева.
В дальний Сингапур
Вы уносились в гоночной машине.
Повержен в пыль надломленный тюльпан.
Умолкла страсть. Безволие... Забвенье.
О шея лебеда!
О грудь!
О барабан и эти палочки –
трагедии знаменье!

– Вот и все, – сказал поэт.

– Извините, что все это значит? – спросил Мейзлик.
<...> Как-то из всего этого я не могу установить, что «июля пятнадцатого дня, в четыре часа утра, на Житной улице автомобиль номер такой-то сбил с ног шестидесятилетнюю нищенку Божию Махачкову, бывшую в нетрезвом виде. Пострадавшая отправлена в городскую больницу и находится в тяжелом состоянии». Обо всех этих фактах в ваших стихах, насколько я мог заметить, нет ни слова. Да-с.

– Все это внешние факты, сырая действительность, – сказал поэт, теребя себя за нос. – А поэзия – это внутренняя реальность. Поэзия – это свободные сюрреалистические образы, рожденные в подсознании поэта, понимаете? Это те зрительные и слуховые ассоциации, которыми должен проникнуться читатель. И тогда он поймет, – укоризненно закончил Нерад.

– Скажите пожалуйста! – воскликнул Мейзлик. – Ну, ладно, дайте мне этот ваш опус. Спасибо. Итак, что же тут говорится? Гм... «Дома в строю темнели сквозь ажур...» Почему в строю? Объясните-ка это.

– Житная улица, – безмятежно сказал поэт. – Два ряда домов. Понимаете?

– А почему это не обозначает Национальный проспект? – скептически осведомился Мейзлик.

– Потому что Национальный проспект не такой прямой, – последовал уверенный ответ.

– Так, дальше: «Рассвет уже играл на мандолине...» Допустим. «Краснела дева...». Извиняюсь, откуда же здесь дева?

– Заря, – лаконично пояснил поэт.

– Ах, прошу прощения. «В дальний Сингапур вы уносились в гоночной машине»?

– Так, видимо, был воспринят мной тот автомобиль, – объяснил поэт.

– Он был гоночный?

– Не знаю. Это лишь значит, что он бешено мчался. Словно спешил на край света.

– Ага, так. В Сингапур, например? Но почему именно в Сингапур, боже мой?

Поэт пожал плечами.

– Не знаю, может быть потому, что там живут малайцы.

– А какое отношение имеют к этому малайцы? А?

Поэт замялся.

– Вероятно, машина была коричневого цвета, – задумчиво произнес он. – Что-то коричневое там непременно было. Иначе откуда взялся бы Сингапур?

– Так, – сказал Мейзлик. – Другие свидетели говорили, что авто было синее, темно-красное и черное. Кому же верить?

– Мне, – сказал поэт. – Мой цвет приятнее для глаза.

– «Повержен в пыль надломленный тюльпан», – читал далее Мейзлик. – «Надломленный тюльпан» – это, стало быть, пьяная побирושка?

– Не мог же я так о ней написать! – с досадой сказал поэт. – Это была женщина, вот и все. Понятно?

– Ага! А это что: «О шея лебеда, о грудь, о ба-рабан!» Свободные ассоциации?

– Покажите, – сказал, наклоняясь, поэт. – Гм... «О шея лебедя, о грудь, о барабан и эти палочки...». Что бы все это значило? <...>

– Пойдите, – размышлял Нерад. – Что-нибудь подсказало мне эти образы <...> Скажите, вам не кажется, что двойка похожа на лебединую шею? Взгляните.

И он написал карандашом 2.

– Ага! – уже не без интереса воскликнул Мейзлик. – Ну, а это: «грудь»?

– Да ведь это цифра три, она состоит из двух округлостей, не так ли?

– Остаются барабан и палочки! – взволнованно воскликнул полицейский чиновник.

– Барабан и палочки... – размышлял Нерад. – Барабан и палочки... Наверно, это пятерка, а? Смотрите, – он написал цифру 5. – Нижний кружок словно барабан, а над ним палочки.

– Так, – сказал Мейзлик, выписывая на листке цифру 235. – Вы уверены, что номер авто был двести тридцать пять?

– Номер? Я не заметил никакого номера, – решительно возразил Нерад. – Но что-то такое там было, иначе бы я так не написал. По-моему, это самое удачное место? Как вы думаете?

Через два дня Мейзлик зашел к Нераду. <...>

– Я на минутку, – сказал Мейзлик. – Зашел только сказать вам, что это действительно было авто номер двести тридцать пять.

– Какое авто? – изумился поэт.

– «О шея лебедя, о грудь, о барабан и эти палочки!» – одним духом выпалил Мейзлик. – И насчет Сингапура правильно. Авто было коричневое.

– Ага! – вспомнил поэт. – Вот видите, что значит внутренняя реальность. Хотите, я прочту вам два-три моих стихотворения? Теперь-то вы их поймете.

– В другой раз! – поспешил ответить полицейский чиновник. – Когда у меня опять будет такой случай, ладно?

Никита Нанков
перевод Евгения В.Харитонова

барболинке барболинке барболинке
слы слы слы
шу шу шу
как как как
ты ты ты
сып сып сып
ле ле ле
шься шься
на на на
по по по
л л л
и и и
от от от
ска ска ска
ки ки ки
ваешь ваешь ваешь
как как как
рас рас рас
сып сып сып
авш авш авш
ийся
бис бис бис
ер ер ер
барболи барболин барболинк
е ке нке
барболинке

Вислава Шимборская
Мысли, посещающие меня
на многолюдных улицах
перевод Асара Эппеля

Лица.

Миллиарды лиц на внешности мира.
Вроде бы каждое отличимое
От тех, какие были и будут.
Но Природа – поди ее разбери, –
утомленная, похоже, нескончаемым труденьем,
повторяет свои давние выдумки
и придает нам облики,
когда-то уже ношенные.

Быть может, мимо прошел Архимед в джинсах,
императрица Екатерина в тряпках с распродажи,
египетский фараон с портфелем и в очках.

Вдова какого-то босоногого сапожника
из крошечной еще Варшавы,
художник из пещеры Альтамира
с внучками в зоопарк,
косматый вандал по дороге в музей,
чтобы немного повосторгаться.

Кто-то, павшие двести веков назад,
пять веков назад,
полвека назад.

Кто-то, провозимый мимо в золоченой карете,
кто-то – вагоном массового уничтожения.

Монтесума, Конфуций, Навуходносор,
их няньки, их прачки и Семирамида,
знающая только по-английски.

Миллиарды лиц на внешности мира.
Твое, мое, чье –
разве узнаешь?
Быть может, Природа вынуждена обманывать
и, чтобы поспеть, чтобы управиться,
наладилась ловить утонувшее
в зеркале забвения.

Чеслав Милош
Юность
перевод В.Британишского

Твоя несчастливая и глупая юность.
Твой приезд из провинции в город.
Запотевшие стекла трамваев, суетливая нищета толпы.
Твой испуг: ты вошел в ресторан,
Чересчур для тебя дорогой.
Но все – чересчур дорогое. Чересчур высокое.
Эти здесь, конечно, заметят твою неотесанность,
И немодный костюм, и неловкость.

Не было никого, кто бы рядом стал и сказал:
– Ты красивый,
Ты сильный и здоровый,
Твои несчастья мнимы.

Ты б не завидовал тенору
В пальто из верблюжьей шерсти,
Если б знал его страх и предвидел, как он погибнет.

Та рыжая, из-за которой ты переживаешь муки,
Такой она кажется тебе красивой,
Это же кукла в огне,
Не поймешь, что она кричит устами паяца.

Фасон тех шляп, и платьев крой, и лица в зеркалах
Будешь помнить неясно, как что-то, что было давно
Или осталось от сна.

Дом, к которому ты приближаешься с трепетом,
Ошеломляющие тебя апартаменты,
Смотри, на этом месте кран разгребает руины.

Ты же будешь иметь, владеть, обладать,
Ты бы мог, наконец, гордиться, но гордиться нечем.

Желанья твои исполнятся, и ты обратишься назад,
К времени, сотканному из тумана и дыма.

К переливающейся ткани однодневных жизней,
Которая зыблется, вздымается и опадает,
Как неизменное море.

Книги, которые ты читал, больше не будут нужны,
Ты искал ответа, а жил без ответа.

Ты будешь идти по улицам сверкающих южных столиц,
Возвращаясь к своим истокам, видя в восторге
Белый сад, когда ночью выпал первый снег.

Георги Господинов
Естественный роман
(фрагмент)
перевод М.Ширяевой

В каждой секунде в этом мире – длинная вереница людей плачущих и еще одна, покороче, – людей смеющихся. Но есть и третья вереница, состоящая из людей, которые уже не плачут и не смеются. Самая печальная из всех. О ней мне и хочется поговорить.

Расстаемся. Во сне расставание связано только с уходом из дома и больше ни с чем. В комнате все упаковано, коробки высятся до потолка, но там, наверху,

все еще просторно. Коридор и другие комнаты полны родственников – моих и Эммы. Они о чем-то шушукуются, шумят и ждут дальнейших действий с нашей стороны. Мы с Эммой стоим у окна. Нам осталось поделить лишь кучу граммофонных пластинок. Неожиданно она вынимает из пакета пластинку, ту, что сверху, и с силой запускает ее в окно. Это мне, говорит она. Окно закрыто, но пластинка проходит сквозь него, как будто разрезает воздух. Инстинктивно я достаю следующую и бросаю ее следом. Пластинка несется, как летающая тарелка, вращается вокруг своей оси, как в проигрывателе, только быстрее. Слышен ее свист. Где-то над мусорными баками она угрожающе отклоняется в сторону низко летящего грязного голубя. В первый момент кажется, что столкновения удастся избежать, но немного погодя я вижу, как острый край пластинки медленно врезается в его упитанную шею. Все происходит как в замедленном кадансе, и это усиливает ужас. Совсем отчетливо слышится несколько коротких тонов – это пластинка перерезает шею. Острая кость голубиного зоба издает мимолетный звук, скользя по музыкальной дорожке пластинки. Только начало мелодии. Какой-то шансон. Не помню. «Шербурские зонтики»? «О, Paris»? «Кафе с тремя голубями»? Не помню. Но музыка звучала. Отрезанная голова по инерции пролетает еще несколько метров, а тело мягко шлепается в пыль рядом с мусорными баками. Крови нет.

Во сне нет ничего лишнего. Эмма наклоняется и бросает следующую пластинку. Потом я. Она. Я. Она. С каждой следующей пластинкой повторяется то же, что и с первой. Тротуар под окном завален птичьими головами, серыми, одинаковыми, с затянутыми пленкой глазами. При каждой упавшей голове родственники за нашей спиной отрывисто аплодируют. Мица сидит на подоконнике и хищно облизывается.

Я проснулся от боли в горле. Сначала я хотел рассказать свой сон Эмме, но потом передумал. Это просто сон.

Милорад Павич

Ящик для письменных принадлежностей

(фрагменты)

перевод Л.Савельевой

Я, нынешний владелец ящика для письменных принадлежностей, приобрел его в предпоследний год двадцатого века за тысячу немецких марок у официанта из Будвы вместе с загадочной улыбкой, которую он вынес из кухни отеля над порцией кастрадины, приготовленной в тот вечер для посетителей ресторана.

– Не желает ли господин купить необычный дорожный ящик? Морской. Капитанский. С письменным прибором, с отделениями для карт, подзорной трубы и так далее, – вполголоса обратился ко мне в тот вторник официант, подавая ужин.

– Можно посмотреть?

– Я смогу показать вам его утром, во время завтрака. Он у меня здесь, в отеле.

– Принеси, – распорядился я, подумав о том, что у молодых есть время быть мудрыми, а у меня на это времени больше нет.

Ящик оказался большего размера, чем я ожидал, он мне понравился и стал моим.

Судя по всему, когда-то он принадлежал семье Дабинович из Доброты и служил капитану во время плавания для хранения судового журнала.

Впоследствии он попал в один из старых которских особняков, и в его отделениях оказалось много разных вещей, относящихся к более позднему времени. В конце концов, по словам официанта, уже в наши дни ящик еще раз совершил плавание по морю, правда, для хо-

зяина, которому он тогда принадлежал, это путешествие закончилось печально.

– Я, впрочем, об этом особо не расспрашивал, – добавил официант, – ведь, узнав тайну, и сам становишься частью тайны. А зачем мне это нужно? Да и кроме того, все, что известно о прежнем владельце ящика, может поместиться в дупле гнилого зуба. Владелец был неразговорчив, и от него никогда ничем не пахло. Даже потом... Из плавания не вернулся. Потому эта вещь и продается...

Ящик был сделан из красного дерева и окован латунью. Пустой, он весил немногим меньше четырех килограммов, или, как сказал официант, был весом с небольшую собаку. Длина и ширина 51 на 27 сантиметров, высота 17,5 сантиметра...

– Если уж вы так придирчивы, – сказал официант, – учтите: то, что имеет силу для сантиметров, имеет силу и для единиц, в которых когда-то измерялось количество души или любви...

С боковых сторон ящика в дерево врезано по металлической пластине с кольцом. Хотя на вид оба кольца совершенно одинаковы, назначение их различно. Правое (если смотреть со стороны замка) можно извлечь из углубления в латунной пластине и использовать как ручку при переноске этого дорожного предмета. Левым кольцом нельзя воспользоваться, если замок ящика закрыт. Стоит потянуть за него при открытом замке, выдвинется находящийся сбоку внешний ящичек. Когда замок открыт и крышка ящика откинута, видно, что внутри у него, как в трехэтажном доме, три уровня. В этих трех этажах размещено пятнадцать отгороженных отделений, ящичков, углублений и отсеков, пять из которых потайные. Одни из них расположены в верхнем, другие в среднем, а третьи в нижнем уровне ящика. Кроме того, в самой утробе ящика для письменных принадлежностей

скрыт еще один ящичек – музыкальная шкатулка. Получается, что ящик для письменных принадлежностей как бы скрывает ее во чреве.

В ящике имеется шесть замков. Один из них наружный, и он виден на передней стенке закрытой шкатулки. Это замок фирмы L.H. M. GR Patent Tompson. К нему есть ключ, который владелец может носить с собой. Тот, кто решится лизнуть замочную скважину наружного замка, убедится в том, что она соленая. По этому и некоторым другим признакам можно заключить, что ящик побывал в морской воде, однако ясно, что совсем недолго и что внутри он не промок. В этом нет ничего удивительного, потому что при изготовлении таких капитанских ящиков на их водонепроницаемость всегда обращали особое внимание. Остальные замки находятся внутри. Назначение их различно. Некоторые из них только выглядят замками, а на самом деле ими не являются.

Мне эта вещь принесла больше хлопот, чем пользы, потому что пришлось как следует потрудиться, чтобы обнаружить все тайные отсеки и проникнуть в них. И отпереть все замки. Кстати, больше всего мне в этом помог нюх, потому что каждое из всех этих давно уже не открывавшихся отделений обладало своим собственным, отличным от других запахом. <...>

В тот момент, когда ящик для письменных принадлежностей перешел в мою собственность, он не был пустым. В нем находились разные предметы, не представлявшие, правда, большой ценности. Часть из них, несомненно, принадлежала еще первому ее хозяину, жившему в XIX столетии, а все остальное тому, кто взял ее с собой в море в конце XX века. <...>

Верхний уровень ящика для письменных принадлежностей составляют:

его крышка (1) и пять отделений (2–6).

1 КРЫШКА С ЛАТУННЫМ СОЛНЦЕМ

Крышка ящика для письменных принадлежностей (1) сделана таким образом, что в полностью открытом виде образует с самим ящиком наклонную плоскость, состоящую из двух частей и покрытую сукном. Ею можно пользоваться как письменным столом. Ее длина в два раза превышает длину самого ящика, которая составляет около 54 сантиметра.

На внешней стороне крышки имеется латунная пластинка в форме эллипсообразного солнца, на ней немецким готическим шрифтом вырезана дата – 1852 – и инициалы Т.А.Р. На выцветшем сукне внутренней поверхности крышки остались пятна от пролитого рома и чернил красного цвета, а также надпись. Это фраза на итальянском языке, которая переводится так: «Всякий раз, когда Европа заболевает, она просит прописать лекарство Балканам».

Если поднять крышку, предназначенную для письма, под ней обнаружится пространство, слабо пахнущее корицей. Мастер, сделавший ящик для письменных принадлежностей, несомненно, считал, что под крышкой должны размещаться карты и инструменты для определения положения судна. Однако сейчас здесь нет ничего, кроме следов нюхательного табака и пачки из сорока восьми почтовых открыток, перевязанных синей ленточкой. Все они адресованы одному лицу, какой-то мадемуазель Henriette Dauville из Perouge, Франция, но ни одна из открыток не была отправлена. На них нет почтовых штемпелей, и все они, кроме одной, изображают арку Defence в Париже.

Исключение составляет последняя открытка, на ней не Париж, а венецианские кони. Текст на открытках написан по-французски, одним и тем же красивым женским почерком, с наклоном, противоположным направлению письма, и крестиком вместо буквы «и». На дне этого большого отделения ящика лежит зубочист-

ка из утиного пера и вывернутая наизнанку кружевная перчатка, сделанная в Которе. Она надушена ароматическим маслом «Кипрская роза».

Если сложить открытки в том порядке, в котором они были написаны, станет ясно, что одной или двух не хватает, однако это не мешает получить представление о том, что хотела сообщить своей подруге в Rouge неизвестная парижанка. Все написанное в неотправленных открытках, хранившихся в ящике для письменных принадлежностей, следует ниже.

Сорок восемь почтовых открыток.

В это утро я снова легла во сне, а ложь имеет запах. Она пахла capture «Contour de l'oeil Christian Dior». Этот запах и разбудил меня.

Поднявшись с кровати, я выпила две китайские чашки воды, надела перстень, выкованный в третьем веке новой эры для левой руки какой-то женщины, и застегнула на лодыжке цепочку часов «Tissot».

Тут кто-то позвонил.

– «Hermes», parfum spray «Caleche», – определила я, приюхиваясь к входной двери. Это была моя сестра Ева.

– Мне кажется, тебе следует сменить image, – сказала я ей.

Мы направились в центр города. В первом же бутике я купила ей «Amarige de Givenshi»... <...>

В самом сердце Парижа, на месте, откуда через один из рукавов Сены открывается прекрасный вид на церковь Матери Божьей, находится букинистический магазин английских книг «Шекспир». В хорошую погоду товар раскладывают перед входом, и именно здесь я снова встретила сестрой.

– Дело сделано? – нетерпеливо спросила Ева, разглядывая на мне новую шубу. – Какие теперь у тебя планы?

– Поселюсь в квартире, которую сегодня сняла на Filles du Calvaire.

– Значит, все-таки эту квартиру ты сняла для своей шубы?

– Нет. Я ушла и от мужа, и от майора Бейли. Как я тебе уже говорила, теперь я изменю свою проклятую жизнь. Потом будет поздно, мне и так уже двадцать шесть. Я собираюсь закончить учебу. А потом завести детей. Но не с кем попало.

– А как же медовый месяц, и новый любовник, и Киев?

– Никак.

– Что значит никак?

– У меня нет нового любовника... Сейчас время учиться. <...>

К стеклу книжного магазина «Шекспир» был прилеплен листок бумаги пепельного цвета. Написанный по-английски крупными буквами текст сообщал:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Молодой человек, обладатель «Хазарского словаря» (мужская версия), разыскивает девушку, у которой тоже есть экземпляр «Хазарского словаря» (женская версия). Цель: обмен экземплярами и беседа. Тел.: 22 59 39.

– Теперь тебе ясно?

– Нет.

– Поэтому у тебя и нет любовника. Я только что купила новые духи Elisabeth Arden «Blue Grasse», как и полагается для нового любовника, а здесь, у «Шекспира», отыскала эту чертову женскую версию. Это словарь, в котором на двести девяносто третьей странице нью-йоркского издания Кнопфа есть дырка, та самая, которую этот парень ищет в качестве предмета обмена. Имея в руках такую штуку, я позвоню по телефону из объявления. Интересно узнать, что есть в его экземпляре...

2–6 ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ

Если поднять крышку и открыть ящик, перед нами окажется поверхность для письма. Она ограничена латунной рамкой, снабженной некоторыми вспомогательными средствами, обеспечивающими доступ в разные отсеки и части ящика.

Итак, в рамке расположены два замка и одно углубление для внутреннего ключа, который по размеру больше, чем ключ от внешнего замка. По форме он представляет собой трубку с треугольным отверстием в торце. В прошлом похожими инструментами пользовались зубные врачи, чтобы рвать зубы. Латунь, из которой сделан ключ, местами изъедена и покрыта зеленым налетом.

В верхней части ящика находится первый внутренний замок. При закрывании этого замка внутренним ключом возникает особый эффект. На дне ящика, из имеющегося там отверстия, при повороте ключа выступает винт. Для того чтобы во время качки ящик не упал со стола или с другой поверхности, на которой он стоит, с помощью упомянутого ключа и винта его можно зафиксировать на деревянной основе. И пока ящик закрыт на ключ, винт остается недоступным.

– Будь у тебя хоть две левые руки, не украдешь! – так сказал об этом хитром устройстве официант.

Между латунной рамкой ящика и покрытой сукном поверхностью для письма, в верхней его части, находится пять маленьких отделений из светлого и темного дерева, напоминающих пять ванночек. В одном из них, по-видимому, когда-то стояла чернильница, так как на дереве осталось несколько зеленых клякс, а в другом баночка с песком для посыпания свежих записей. Четыре из пяти ванночек квадратные, а пятая прямоугольная, она имеет форму корытца из темной древесины тика и предназначена для перьевых ручек. В центре этого корытца есть небольшая дужка. Судя

по всему, к нижней стороне этой ванночки можно было прикреплять промокательную бумагу, отделение для ручек могло использоваться и в качестве миниатюрного пресс-папье.

Два отделения пусты.

В прямоугольном корытце лежит темно-зеленая ручка из кедрового дерева, на конце ее медное устройство, куда вставляют перо.

В соседней ванночке осталось немного красноватого песка, кроме того, там лежит старый свисток в форме фаллоса и стеклянная пробка от флакона, который в ящике не обнаружен. Свисток предназначен для того, чтобы вызывать духов умерших. Звук у него странный, что-то похожее на «кmt! кmt! кmt!» Это зов, на который откликаются ледяные сны мертвых душ, когда они, чтобы согреться, забираются иногда в теплые сны живых. Только тогда их и можно вызвать. Точнее, свисток служит для того, чтобы мог подать голос тот, кто хочет вызвать души мертвых. Если свистнуть три раза, вызовешь душу умершего и ее ледяной сон из их временного пристанища. Душа умершего и ее сон найдут тебя по звуку свистка. Таким образом, свисток предупреждает о том, что, возможно, существует нечто, что запрятано в шкатулке гораздо глубже, чем нам известно.

Короче говоря, если вы что-то ищете и не находите, не теряйте надежды.

Может быть, это «что-то» найдет вас.

Что же касается стеклянной пробки от флакона, то, посмотрев сквозь нее на свет, можно как под увеличительным стеклом прочитать вырезанную на ее доньшке надпись на греческом языке. Эта надпись в стеклянной пене выглядит так: «Не забывай, что твои годы идут парами, как сестры, как мать и дочь или как сестра и брат. А иногда как отчим и падчерица или как любовники...»

Тот, кто догадается перевернуть стеклянную пробку и посмотреть с другой стороны, прочтет следующее: «Для того чтобы встретить ночь всех твоих ночей как день, нужно заранее понять, какова та пара лет, которые входят в твою жизнь».

В отделении, где когда-то находилась чернильница, сейчас стоит пузырек с черной краской и палочка, с помощью которой женщины в азиатских и африканских странах раскрашивают боковую часть своих ступней.

Йордан Радичков

Жаркий полдень

(в сокращении)

перевод Н.Глен

Летом 1963 года на железнодорожной станции города Н. поднялась тревога. Дежурный принял сообщение: поезд № 704 вышел с соседней станции и прибудет через пятнадцать минут. <...> Но поезд опаздывал, и дежурный думал о том, что это задержит армейские перевозки: на четвертом пути стоял воинский эшелон. <...>

Станция Н. притихла, все уселись в тени на перроне, солдаты залезли под платформы, машинисты обоих паровозов открыли клапаны, топки гасли. Солнце передвинулось на небе и начало своей страшной линзой скручивать листья на деревьях, сверкая в антраците открытых складов из топлива, – в этот жаркий полдень оно одно властвовало над пустой станцией, притихшей, растерянной, озабоченной, исполненной ожидания. <...>

Второй день у подножия Черказских гор и на равнине шли большие военные маневры. <...>

В этот самый день трое мальчишек из села Черказки пасли у реки буйволов. <...> Буйволы уже наелись и

теперь смотрели на воду, раздумывая, не пора ли купаться. Мухи, подстрекаемые жарой, кусались немилосердно, и буйволы решили, что им сейчас лучше всего войти в воду и утопить мух. <...>

Река бежала сейчас легко, почти на цыпочках, и бережно поддерживала на своей спине мальчишку с остриженными неровно волосами, веснушчатого, как лягушонок. Мальчик едва научился плавать, и реке приходилось быть осторожной – любая маленькая волна могла хлестнуть ему в рот, открытый от напряжения. <...>

Двое других мальчиков поплыли под мост ловить бойков. Мост был длинный, в два пролета. <...> Как все железобетонные конструкции, посередине он не был сварен, чтобы при осадке опор мост не рухнул. <...>

– Тут большой камень, а под ним полно рыбы. Кишмя кишит. <...>

Мальчик оттолкнулся от камня, чтобы заплыть с другой стороны, а первый рыболов все шлепал по воде одной рукой и болтал ногами; другую руку он сунул в пещеру и чувствовал между пальцами притихшую рыбу: в каменном гнезде опоры рыбы и правда было много.

В то время как его товарищ плыл у него за спиной, под мостом вдруг пронесся какой-то странный звук. Он был похож на треск льда на реке зимой... Мост передвинул каменные глыбы и железобетонные пояса своих опор – произошел сдвиг, предусмотренный конструктором еще при строительстве. Конструктор не знал, когда произойдет усадка, когда именно почва ощутит усталость от давления моста, но он это предусмотрел; на средней опоре на месте стыка железобетон, чуть двинувшись, со скрежетом сомкнулся.

– Что это? – спросил мальчик с берега.

– С мостом что-то, – ответил стриженный, все еще держа руку в каменном гнезде, у рыб.

– Ну-ка подайся, я тоже залезу, – сказал второй и снова подплыл к стене.

– Не могу, – сказал первый <...>

Мальчик все пытался выдернуть руку, но ничего не выходило. Усадка моста поймала его в подводный капкан...

– Я тону! – вдруг крикнул мальчик. – Ой, я тону!

Товарищ его быстро поплыл к берегу. Он колотил по воде руками и ногами и, добравшись до песка, закричал:

– Ты держись там, держись, слышишь, держись! Сейчас людей позову. <...>

Вдали он увидел струю дыма, она быстро приближалась, из-за деревьев вынырнул паровоз, но мальчик не сошел с полотна, а все бежал, потом наконец замедлил шаг и стал размахивать своим красным флагом (красной майкой. – *Н.Б.*), а локомотив все рос, и гул рельсов все громче отдавался в ушах.

<...> И вот больше пятисот человек, пассажиры целого поезда, столпились под мостом, на мосту, на обоих берегах, и никто ничего не мог сделать, чтобы вытащить мальчика из реки. Мальчик уже посинел, он болтался в воде и испуганно смотрел на огромную толпу, запрудившую берега и мост.

Страшно-то ведь все равно страшно, даже когда вокруг люди.

Рядом, почти по плечи в воде, стоял крестьянин с тока; он поддерживал мальчика на поверхности реки, подложив ему ладонь под грудь, хотя на дно уже были повалены камни. <...>

Появление пожарной машины, выехавшей на учения, вселило надежды. Командир ее живо соскочил на мост и спросил, что случилось. Ему объяснили. Дальше стали слышны одни команды, пожарные бегали,

шлемы блестели, шланги разматывались, затарахтел мотор. <...>

Пространство наполнилось ревом моторов и лязгом гусениц. Берега увидели пыль, вздымающуюся к небесам, а рев моторов и лязг гусениц все приближался к реке. Среди деревьев показались танки, выставившие вперед стволы своих семидесятишести- и стомиллиметровых орудий. Танковый полк разворачивался, готовясь форсировать Черказскую реку. Первые машины уже входили в воду. Мать мальчика кинулась к ним. Она бежала прямо на машины, оглушенная их треском и грохотом, и люди на берегах, глядя на нее, тоже сорвались с места, крича и размахивая руками, пытаясь перекричать моторы и остановить эту армию. <...> Солдаты повторили все то, что другие пытались делать раньше.

Попытки их ни к чему не привели.

Армия была беспомощна, словно попала в плен. Танки на берегах молчали, их орудия глупо разинули пасти. Мертвое железо! Разве может мертвое железо кого-нибудь спасти!

<...> И все-таки надо было действовать. Решили запрудить реку. Если сдерживать течение, пожарники выкачают насосами воду, и мальчик окажется на отмели. <...>

Генерал смотрел, как тягачи корчуют ольху и на канатах стаскивают деревья в воду. Ухали топоры – тесали колья и забивали в грунт...

Он ждал вертолет. И думал о том, что человечество создало религии, дипломатию, Организацию Объединенных Наций, атомную бомбу, а вот как спасти этого ребенка – оно еще не придумало. Ни религия, ни дипломатия, ни ООН не могли бы тут помочь.

Ну а раз так, то поможем мы. Если надо, мы подыдем в воздух реку, и шоссе, и мост, мы заставим все, весь мир, всю мертвую и живую природу двигаться

только в том направлении, какое нужно, чтобы спасти ребенка. Если надо, мы и грозу, нависшую над Черкасскими горами, пустим по небу в другом направлении. Все, все устремится к одной только цели, в одном направлении, как Земля вертится только на восток, и днем, и ночью, и в адском грохоте войны, и в спокойствии мира.

Только на восток, всегда за солнцем, чтобы спастись, чтоб убежать из темноты своей собственной тени. <...>

Реку остановили.

Она ткнулась в преграду, ощупала ее мордой, отыскивая щели и надеясь, что где-нибудь да найдет трещину, вся вытянется в струнку и протолкнет в эту трещину свое тело, раздвигая ее и разрушая плотину; так бывало всегда.

Но щелей не нашлось, и река отвернула морду, выползла на берег, легла на траву, ощупала дно, съежилась и снова стала кружить, толкаясь туда и сюда. Она была похожа на змею, которая неспешно, исподволь сворачивается спиралью, напрягая позвоночник и готовясь к броску или удару. <...>

Опоры моста перестали хрипеть...

Мост во второй раз передвинул каменные глыбы и железобетонные пояса своих опор. Те, кто стоял на мосту, почувствовали, как он дрогнул у них под ногами...

Мальчик держал обе руки на коленях, еще не в состоянии понять, что обе его руки свободны, что он вырвался из каменного капкана. Первое, что он почувствовал, было прикосновение рук генерала. Тот подбросил его и стал целовать, а вся толпа, избавленная от напряжения, закричала разом, и тут поднялся такой гам, что можно было оглохнуть.

– Воздух вошел в опоры! – кричали люди. <...>

Если судьба одного ребенка может остановить часть человечества, то ради судьбы мира человечество должно остановить бег всей вселенной и дать ей направление, которое нужно, чтобы спасти мир.

По сути, это ведь единственно возможное направление.

Генерал посмотрел на часы. Через пятнадцать минут форсирование реки должно быть окончено.

Танки шли на юг, все на юг, и туда смотрели их стволы, прощупывая простор. Простору этому ничто не угрожало, и орудия молчали, но машины все шли вперед, отпустив поводья сотен лошадей в своих сердцах-моторах, шли сквозь этот жаркий полдень, раскаленный полдень мира.

Тысячи лошадей, тысячи копыт мчатся с ревом и скрежетом стали; стальные гусеницы вращаются и наступают, оставляя позади тишину и покой; они видят перед собой, за этим простором, змею, которая корчится в своем логове, набухает ядом, злобно тычется мордой в берега зеленой земли, пытаюсь найти расщелину, как металась и билась о плотину прегражденная река, а в небе неслись и сверкали тучи, стремясь влить в нее свою адскую силу.

Змея, сиди в своем логове, слышишь, змея!

Сиди и не вылезай, исчадие адаво!

Ольга Токарчук
Бегуны
(фрагменты)
перевод И.Адельгей

Я существую

Я совсем маленькая. Сажу на подоконнике, вокруг разбросаны игрушки – опрокинутые башни из кубиков, куклы с вытаращенными глазами. В доме темно, воздух в комнатах медленно остывает, меркнет.

Никого нет; все ушли, скрылись, вдали еще звучат голоса, шарканье, эхо шагов и приглушенный смех. За окном – пустой двор. Тьма плавно изливается с неба. Оседает повсюду серной росой.

Мучительнее всего неподвижность: густая, зримая – холодные сумерки и слабый свет натриевых ламп, что тонет во мраке уже в радиусе метра.

Ничего не происходит, надвигающаяся темнота замирает на пороге, предвечерний гомон стихает, застывает густой пенкой, словно на кипяченом молоке. Силуэты домов на фоне неба растягиваются до бесконечности, мало-помалу сглаживаются острые углы, края, изломы. Угасая, свет уносит с собой и воздух – становится душно. Теперь мрак просачивается сквозь кожу. Звуки сворачиваются в клубки, втягивают внутрь улиточки глаза; оркестр мира уходит и исчезает в парке.

Этот вечер – кромка мира, я нащупала ее случайно, безотчетно, в игре. Обнаружила, ненадолго оставленная одна, без защиты. Я понимаю, что попалась, ловушка захлопнулась. Совсем маленькая, я сижу на подоконнике, смотрю на остывший двор. Уже погас свет в школьной кухне, там никого нет. Бетонные плиты двора напитались мраком и растаяли. Закрыты двери, опущены шторы, задернуты занавески. Хочется выйти из дому, но некуда. Только контуры моего присутствия становятся все более четкими, дрожат, колышутся, причиняя мне боль. В мгновение ока я осознаю: пути назад нет, я – существую.

Гигиенический пакет

В самолете Варшава – Амстердам я машинально вертела в руках бумажный пакет, на котором позже заметила выведенные авторучкой слова: «12.10.2006. Летим наудачу в Ирландию. Пункт назначения –

Белфаст. Студенты Политехнического института в Жешове».

Надпись обнаружилась на доньшке пакета, на единственном свободном месте – с обеих сторон был печатный текст. Он на нескольких языках повторял одно и то же: do you want air sickness bag... sac pour mal de l'air... Spuckbeutel... bolsa de mareo. Между этими словами чья-то рука вписала фразу, единичка была толще других цифр, словно автор на секунду засомневался, имеет ли смысл оставлять это анонимное выражение беспокойства. Надеялся ли он, что надпись на пакете найдет своего читателя? Что я таким образом окажусь свидетелем чужого путешествия?

Меня растрогал этот односторонний акт коммуникации – интересно, какая рука это писала, какими были глаза, что вели ее между строками напечатанного на пакете текста. Интересно, повезет ли им там, в Белфасте, этим студентам из Жешова. Пожалуй, мне бы хотелось когда-нибудь, уже в другом самолете, получить ответ на свой вопрос. Чтобы они написали: «Все отлично. Мы возвращаемся домой». Но я знаю, что на пакетах пишут только от волнения и неуверенности. Ни поражение, ни грандиозный успех этому не способствуют.

Соотечественники

Тем временем женщина в аэропорту закончила первую часть лекции, и пассажиры принялись робко задавать вопросы, однако совсем не те, которые должны бы. Так мне, во всяком случае, казалось. Но сама я не решилась спросить. И отошла к ближайшему бару – выпить кофе. Там уже стояла группа людей, разговаривавших, как выяснилось, на моем родном языке. Я взглянула подозрительно – они были похожи на меня. Да, эти женщины могли бы быть моими сестрами. Поэтому я села подальше от них и заказала кофе.

Меня ничуть не радует встреча с соотечественниками на чужбине. Я делала вид, что не понимаю родного

языка. Мне хотелось анонимности. Я рассматривала их со стороны и наслаждалась тем, что они не подозревают: их речь кому-то понятна. Понаблюдала краем глаза и ушла.

В этом задумчиво признался мне и усталый британец, который, меряя входящих взглядом, пил уже не первую кружку пива. Мы немного поболтали, но говорить, в общем-то, было не о чем.

– Меня ничуть не радует встреча с соотечественниками на чужбине.

Я допила кофе и вернулась к лекторам, притворившись, будто очень тороплюсь. На самом деле это было не так. Я успела услышать конец дискуссии – женщина что-то горячо объясняла троице обступивших ее слушателей, наиболее терпеливых.

Мобильность – это реальность

Огромный плакат на стеклянной стене аэропорта утверждает со стопроцентной уверенностью:

МОБИЛЬНОСТЬ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ¹³

Спорим – это всего лишь реклама сотовых телефонов.

Станислав Ежи Лец

Фрашки

Наблюдения художника-ташиста

Как разноцветно и занятно
Порой на честь ложатся пятна.

Всяк тем живет, что рок ему принес:
Один кропает стих, другой – донос.
А если два таланта есть в руках,
То можно накропать донос в стихах.

¹³ В оригинале по-русски

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Кто является автором произведений «Я обслуживал английского короля», «Пострижение», «Слишком шумное одиночество»?
2. Какие произведения написал Милан Кундера?
3. Представителем какого литературного направления является Карел Маха?
4. Назовите представителей жанра исторического романа в польской литературе.
5. Кто придумал слово «робот»? Какие произведения принадлежат перу этого автора?
6. Назовите славянских писателей – лауреатов Нобелевской премии.
7. Автор романа «Хазарский словарь»?
8. Перечислите сербских писателей и их произведения.
9. Славянская драматургия представлена именами...
10. Каких болгарских писателей вы знаете?
11. Признанные мастера жанра научной фантастики это...
12. Назовите писателей постмодернистского направления в славянских литературах.
13. Кого называют бабушкой чешского реализма?
14. Назовите произведения, принадлежащие перу Богумила Грабала.
15. Какой современный чешский писатель, сценарист рассказывает о проблемах молодежи (наркомания, футбольные фанаты и проч.)?
16. Назовите автора и жанр произведения «Репортаж с петлей на шее».

17. Автор произведений «Барьер», «Ночью на белых конях», «Весы»?

18. Один из самых плодовитых писателей, занесенных в Книгу рекордов Гиннеса?

19. Он любил в произведениях изображать себя садовником, вместе с братом иллюстрировал свои книги. Назовите его фамилию и произведения.

20. Мастер сатиры, автор «Бай Ганю». Литературу какой страны прославил?

21. Вспомните знаменитую плеяду польских романиков и назовите самые значительные их сочинения.

22. Лауреат Нобелевской премии, дипломат, автор «Моста на Дрине», «Барышни» и других произведений.

23. Кто автор произведений «Джинсовый мир», «Мemento», «Почему?»

24. Кому принадлежит авторство слова «гиперлитература»? Какие вы знаете произведения этого писателя?

25. Вислава Шимборская, Десанка Максимович – поэты из каких стран? Чем они знамениты?

26. Назовите представителей чешского литературного сюрреализма.

27. Литературу какой страны представляют Михал Вивег, Радек Йон?

28. «Пепел и алмаз», «Ночь», «Врата рая». Назовите автора этих произведений.

29. Авторство «Фердидурки», «Порнографии» принадлежит... Представителем литературы какой страны он является?

30. Что вы знаете о таких писателях, как Ежи Анджеевский, Славомир Мрожек, Ежи Ставинский?

31. Назовите автора таких произведений, как «Пан Тадеуш», «Гражина», «Дзяды». Какое направление в литературе он представляет?

32. По какому из произведений какого автора написаны скрипичный концерт, оратория, есть компьютерная версия?

33. Перечислите имена и произведения польских писателей последнего десятилетия.

34. Тема Второй мировой войны в произведениях славянских писателей. Приведите примеры.

35. Назовите исторические романы Г.Сенкевича, Б.Пруса, А.Ирасека.

36. Он перевел «Евгения Онегина» на чешский язык, написал романы, пьесы, сборники рассказов «Русская борзая», «Красный календарь». Назовите автора.

37. Мария Домбровская, Элиза Ожешко, Зофья Налковская: чем они знамениты?

38. Автор этих произведений: «Книга смеха и забвения», «Жак и его господин», «Неспешность», лишен чешского гражданства, живет во Франции.

39. Назовите фамилию писателя, по произведениям которого сняты фильмы «Поезда особого назначения», «Я обслуживал английского короля».

40. Какой термин применялся в XIX веке к реалистическому по сути направлению в польской литературе?

41. Военная тема в славянских литературах. Приведите примеры.

42. «Шутка», «Невыносимая легкость бытия» – кто автор этих произведений, литературу какой страны он представляет?

43. Что написал Р.Йон? Представителем литературы какой страны он является?

44. Этот писатель умер в 82 года, выпав из окна. Встречался с Б.Клинтоном и В.Гавелом. Вспомните его произведения.

45. В каком жанре прославился С.Лем?

46. Витольд Гомбрович, Славомир Мрожек, Тадеуш Ружевиц. Представителями каких видов литературы они являются?

47. Кто из писателей создает прозу, имеющую интерактивную нелинейную структуру?

48. Герой какого произведения какого писателя был упаковщиком макулатуры?

49. Кому принадлежат слова: «В мире всегда гораздо больше талантливых читателей, чем талантливых писателей»?

50. Какие произведения написал Иво Андрич? Литературу какой страны он представляет?

51. Кто из современных славянских писателей использовал техники письма «работа с ножницами» и «алла прима»?

52. Что вы знаете о писателях Й.Радичкове, Б.Райнове, И.Вазове, Г.Борисове?

53. В чем заключается вклад Яна Кохановского в национальную литературу?

54. За 22 года работы в литературе он создал 44 книги. Назовите писателя.

55. Чем знаменит Карел Чапек?

56. Назовите представителей современной поэзии разных славянских литератур.

57. Современная славянская драматургия представлена именами...

58. Романы какого писателя написаны в форме пособия по гаданию на картах таро, кроссворда?

59. Какие идеи отстаивали участники организаций «Деветсил» и «Молодая Польша»? Назовите литературное направление, в котором они работали.

60. Мастерами жанров фэнтези, детектива можно считать...

61. Дайте определение понятию «гусистская литература».

62. Какой роман какого автора представлен женской и мужской версиями?

63. Классиками литературы каких стран являются Я.Неруда, Б.Райнов, Я.Ивашкевич, Я.Гашек, Ю.Тувим, Д.Максимович?

64. Перечислите современных болгарских поэтов.

65. Что вы можете рассказать о Я.Сейферте, Й.Ради-чкове, Ч.Милоше, Г.Петровиче?

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ

Учебное издание

Булацкая Наталья Алексеевна

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ:
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(болгарская, польская, сербская, чешская)**

Учебно-методическое пособие

Редактор О.М.Соколова
Технический редактор А.В.Гицкая
Обложка Т.Д.Орешко

Подписано в печать 02.06.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага писчая № 2. Усл. печ. л. 8,37.

Уч.-изд. л. 5,35. Тираж 150 экз. Заказ 151.

Белорусский государственный
университет культуры и искусств.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.
Лицензия № 02330/0003939 от 19.05.2011 г.

Напечатано на ризографе
Белорусского государственного
университета культуры и искусств.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.